СИБИРЬ
И
КАТОРГА

Кип 27(82)

А 257/114

Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.
Выпускъ 82.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

А 257
А 114

Выпускъ 27-й.

„Народная Воля“.— Дегаевщина.— Процессъ 14-ти.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе типографіи С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
Общество
СТРАХОВАНІЙ,

учрежденное въ 1858 году,

ПРИНИМАЕТЪ СТРАХОВАНІЯ:

ЖИЗНИ,

отъ ОГНЯ

и

отъ несчастныхъ случаевъ.

Правленіе Общества находится:

Въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., соб. д. № 5
Отдѣленіе О-ва для С.-Петербурга находится по Невскому пр., № 66.
Агентства во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

А 257
А 114

„Народная Воля“.—
Дегаевщина.—
Процессъ 14-ти.

Кн 27 (82)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная, д. № 40
1907.

2007051384

I.

А. К. Соловьевъ.—Совѣтъ „Земли и Воли“ и вопросъ о цареубійствѣ.—Покушеніе Соловьева.—Судъ и казнь.—Разладъ въ средѣ „Земли и Воли“.—Липецкій съѣздъ.—Программа лѣвой фракціи „Земли и Воли“. Распорядительная комиссія.—„Исполнительный Комитетъ“.—Отдѣлы и фракціи.

Въ началѣ 1879 г. въ Петербургѣ появились два революціонера, Гольденбергъ и Соловьевъ. Григорій Гольденбергъ пользовался уже большою извѣстностью въ революціонномъ мірѣ въ качествѣ убійцы харьковскаго губернатора, кн. Кропоткина. Александръ Константиновичъ Соловьевъ не проявилъ себя еще никакимъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ дѣломъ.

Отецъ Соловьева, врачъ по профессіи, служилъ въ одномъ изъ имѣній Великой Княгини Александры Михайловны, но въ концѣ 70-хъ гг. лишился мѣста. Его сынъ воспитывался сначала въ провинціи, въ начальной школѣ, но затѣмъ, въ качествѣ стипендіата великой княжны Елены Павловны, поступилъ въ петербургскую третью гимназію, окончилъ тамъ курсъ и зачислился въ студенты юридическаго факультета петербургскаго университета. Вскорѣ онъ оставилъ университетъ и, сгоряя желаніемъ жертвовать собою и послужить народу, поступилъ учителемъ начальной уѣздной школы въ г. Торопцѣ, Псковской губ. Тамъ у него возникли столкновенія съ полиціей изъ-за пріемовъ обученія,

и Соловьевъ оставилъ педагогическую дѣятельность. Онъ поступилъ въ качествѣ ученика въ кузницу, устроенную Богдановичемъ вблизи Торопца, и провелъ тамъ полтора года, успѣвъ за это время жениться на Челищевой. Въ 1876 по 1878 г. онъ жилъ то въ Петербургѣ, то занимался пропагандою въ Нижегородской, Владимирской, Воронежской, Тамбовской и Самарской губерніяхъ, работая въ кузницахъ, состоя гдѣ-то волостнымъ писаремъ и т. д. Въ концѣ 1878 г. Соловьевъ, которому было уже около 33 лѣтъ отъ роду, появился въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ на нелегальномъ положеніи, такъ какъ полиція разыскивала его въ качествѣ соучастника Богдановича, уже привлекавшагося тогда къ отвѣтственности по обвиненію „въ государственномъ преступленіи“.

Одновременно съ появленіемъ въ Петербургѣ Гольденберга и Соловьева, среди членовъ „Земли и Воли“ стали циркулировать слухи о томъ, что готовится покушеніе на жизнь Императора Александра II. На одномъ изъ засѣданій совѣта „Земли и Воли“ было прямо заявлено, что „нѣкто“ проситъ довести до свѣдѣнія организаціи о своемъ рѣшеніи во что бы то ни стало совершить убійство.

Сообщеніе вызвало весьма бурныя пренія, выяснившія, что среди членовъ „Земли и Воли“ имѣется группа, относящаяся отрицательно къ террористическимъ актамъ. „Если среди насъ возможны Каракозовы,—кричалъ Поповъ,—то поручитесь-ли вы, что завтра изъ среды нашей не явится Комиссаровъ со своимъ намѣреніемъ, не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація“.

„Если Комиссаровымъ будешь ты,—кричалъ ему въ отвѣтъ Квятковскій,—то я и тебя застрѣлю“.

Совѣтъ „Земли и Воли“ такъ и не пришелъ ни къ какому рѣшенію, но члены организаціи, относившіеся одобрительно ко всякаго рода террористическимъ актамъ, рѣшили, такъ сказать, частнымъ

образомъ оказывать поддержку неизвѣстному. По свѣдѣніямъ однихъ, это былъ Гольденбергъ, по свѣдѣніямъ другихъ,—Соловьевъ; точно знали фамилію неизвѣстнаго только немногіе.

Императоръ Александръ II имѣлъ обыкновеніе ежедневно по утрамъ гулять пѣшкомъ.

2-го апрѣля 1879 года между 9 и 10 утра, государь вышелъ изъ дворца, прошелъ вдоль фасада этого зданія на Милліонную улицу, прошелъ по ней нѣсколько десятковъ шаговъ и, возвратившись на площадь, повернулъ направо и дошелъ до зданія главнаго штаба, недалеко отъ воротъ, ведущихъ во дворъ этого зданія. Въ этотъ моментъ на тротуарѣ появился какой-то молодой человѣкъ высокаго роста, смѣлыми и быстрыми шагами направлявшійся навстрѣчу Императору. Находясь на разстояніи не болѣе 12 шаговъ отъ Государя, молодой человѣкъ, державшій все время руки въ карманахъ, остановился, быстро вынулъ револьверъ большого калибра и, прицѣлившись, выстрѣлилъ, послѣ чего прошелъ еще 4—5 шаговъ по направленію къ Императору, сдѣлалъ второй выстрѣлъ и, наконецъ, выстрѣлилъ въ третій разъ почти въ упоръ. Въ этотъ моментъ стрѣлявшаго настигъ жандармскій штабсъ-капитанъ Кохъ и ударилъ его по спинѣ своей саблей, но это не помѣшало неизвѣстному произвести еще одинъ выстрѣлъ, послѣ котораго онъ бросился бѣжать по Дворцовой площади, но былъ окруженъ толпою народа, сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ. Здѣсь преступникъ произвелъ еще одинъ, послѣдній выстрѣлъ въ толпу. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ задержанъ и обезоруженъ.

Императоръ остался цѣлымъ и невредимымъ; ни одна изъ пуль не задѣла его. Раненымъ оказался только одинъ человѣкъ, городовой, Франц Милашевичъ. Стрѣлявшій былъ доставленъ въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, гдѣ съ нимъ нача-

лась рвота. Немедленно ему была оказана медицинская помощь, такъ какъ оказалось, что онъ успѣлъ проглотить ядъ, имѣвшійся у него и спрятанный въ скорлупѣ отъ орѣха.

Покушавшійся называлъ себя сначала Соколовымъ, но затѣмъ онъ признался, что его настоящая фамилія Соловьевъ. Приговоромъ верховнаго суда отъ 25-го мая онъ былъ приговоренъ къ смерти черезъ повѣшеніе, отказался подать прошеніе о помилованіи и 28-го мая, въ 10 часовъ утра, былъ казненъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ полѣ.

Въ 9 ч. утра, какъ описываетъ намъ „Листокъ Земли и Воли“, черная телѣга, сопровождаемая палачемъ въ красной рубашкѣ и нѣсколькими отрядами войскъ, окруженная верховыми жандармами, выѣхала изъ воротъ Петропавловской крѣпости. По серединѣ ея возвышалась поперечная черная скамья съ четырьмя столбами, снабженными желѣзными крючьями, къ одному изъ которыхъ былъ привязанъ Соловьевъ. Телѣга двинулась по направленію къ Смоленскому полю, гдѣ, еще наканунѣ, былъ воздвигнутъ эшафотъ. Соловьевъ въ сопровожденіи палача поднялся на него. Оберъ-прокуроръ прочелъ приговоръ. Осужденный отказался отъ послѣдняго напутствія, но отвѣтилъ низкимъ поклономъ на поклонъ удалявшагося священника. Затѣмъ Соловьевъ взошелъ на скамью подъ висѣлицей, и палачъ надѣлъ на него бѣлую одежду... Въ 10 ч. 22 мин. тѣло Соловьева было снято, положено въ гробъ и увезено на островъ Голодай.

За двѣ недѣли до покушенія Соловьева имѣлъ мѣсто еще одинъ террористическій актъ, совершенный не безъ вѣдома центральной организаціи „Земли и Воли“.

13 марта, въ 1 часъ дня, генералъ Дрентельнъ, назначенный шефомъ жандармовъ послѣ убійства Мезенцова, ѣхалъ въ каретѣ по набережной Фонтанки. Въ моментъ, когда онъ проѣхалъ вдоль канала,

параллельно Марсову полю, его обогналъ какой-то молодой человѣкъ, скакавшій на лошади-и, опередивъ карету, произвелъ выстрѣлъ внутрь экипажа, но промахнулся. Пуля, не задѣвъ шефа жандармовъ, застряла въ деревянномъ кузовѣ кареты.

Стрѣлявшій погналъ лошадь и быстро ускакалъ, но на углу Воскресенскаго проспекта и Захарьевской улицы его лошадь упала. Молодой человѣкъ не растерялся, но сѣлъ на извозчика и продолжалъ свой путь: онъ остановился у какой-то табачной лавочки, выйдя откуда, тихимъ шагомъ направился къ Таврическому саду и исчезъ.

Во время бѣшенной скачки по городу многіе успѣли хорошо разсмотрѣть стрѣлявшаго, кромѣ того удалось получить цѣнныя указанія отъ служащихъ въ манежѣ на Моховой, гдѣ была куплена лошадь, оставленная неизвѣстнымъ на улицѣ. Все это дало возможность установить, что покушался на жизнь ген. Дрентельна студентъ медико-хирургической академіи, Левъ Филипповичъ Мирскій, незадолго передъ тѣмъ выпущенный на поруки изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ политическомъ преступленіи.

Мирскаго удалось задержать только 6 іюня въ Таганрогѣ, гдѣ онъ проживалъ подъ фамиліей Александра Плетнева. При задержаніи онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе, произвелъ три выстрѣла изъ револьвера, не причинившихъ, впрочемъ, никому вреда. Мирскій, какъ выяснило слѣдствіе, былъ полякъ по происхожденію и происходилъ изъ дворянъ Уманскаго уѣзда, Кіевской губ. Въ концѣ 1878 г. онъ былъ арестованъ за пропаганду на родинѣ, но былъ освобожденъ за поручительствомъ присяжнаго повѣреннаго Утина. Мирскій объяснилъ, что онъ нисколько не руководствовался чувствомъ мести по отношенію къ шефу жандармовъ, но, видя въ немъ могущественную силу, которая въ высшей степени препятствовала интересамъ революціонной партіи,

рѣшилъ уничтожить ее. Онъ выработалъ планъ покушенія по указаніямъ и при помощи одного товарища, котораго впасть подъ именемъ Федора Иванова. Ивановъ доставилъ ему 300 р. на покупку лошади и револьвера и нѣкоторую сумму денегъ на бѣгство изъ Петербурга.

Кто былъ Ивановъ, не удалось установить, но тѣмъ не менѣе, въ качествѣ пособниковъ и укрывателей, помогшихъ Мирскому бѣжать изъ Петербурга, были привлечены къ отвѣтственности: Тарховъ, Ипполитъ Головинъ, Евгеній Беклемишевъ, Александра Семенская, Николай Верещагинъ, Григорій Левинсонъ и Ольшинъ. Всѣ они были оправданы, за исключеніемъ Тархова, приговореннаго къ 10-ти лѣтней каторгѣ. Мирскій былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни, но петербургскій генералъ-губернаторъ, при конфирмаціи приговора, замѣнилъ смертную казнь безсрочными каторжными работами.

Послѣ покушенія Соловьева, въ средѣ членовъ „Земля и Воля“ обнаружился явный разладъ. Противники покушенія осуждали Соловьева и доказывали, что его предпріятіе вызвало только правительственныя репрессіи и способствовало усиленію реакціи. Начались безконечные споры: одни стояли за то, что нужно въ первую очередь поставить на прочную ногу борьбу съ центральнымъ правительствомъ, другіе, что нужно привести къ концу дѣло, начатое Соловьевымъ, третьи, наконецъ, что нужно путемъ аграрнаго террора и особенно мести губернаторамъ за экзекуціи, чинимыя ими среди крестьянства, популяризировать себя среди крестьянъ. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ разногласій было рѣшено устроить общій съѣздъ земельцевъ, причемъ на М. Попова была возложена обязанность пріискать для него подходящее мѣсто.

Сначала предполагалось избрать мѣстомъ съѣзда Тамбовъ, гдѣ находились въ это время: Вѣра Фигнеръ, Антекманъ, Тищенко, Хотинскій, Девель и другіе, но, по чисто-случайнымъ обстоятельствамъ, пришлось отказаться отъ устройства съѣзда въ Тамбовѣ. Въ одинъ весенній день революціонеры отправились въ двухъ лодкахъ кататься по рѣкѣ Цнѣ. Было очень весело и, по просьбѣ товарищей, Вѣра Фигнеръ спѣла „Бурный потокъ“. Оказалось, что на берегахъ рѣки гуляли въ разныхъ мѣстахъ тамбовцы. Неизвѣстная компанія и ея пѣвица обратили на себя общее вниманіе, въ городѣ начались разговоры про нихъ, до недшіе и до полиціи, которая сейчасъ же явилась къ революціонерамъ и потребовала у нихъ паспорта. Такъ какъ у всѣхъ землевольцевъ оказались подложные документы, то они сочли за благо сейчасъ же оставить Тамбовъ, что они и сдѣлали. Мѣстомъ съѣзда былъ избранъ Воронежъ.

Созывали съѣздъ Плехановъ и Поповъ, главные представители болѣе умѣреннаго теченія. Такъ какъ представители противоположныхъ взглядовъ составляли редакцію партійнаго органа „Листка Земли и Воли“, то, какъ разсказываетъ Морозовъ, Поповъ или Плехановъ прислали имъ грозное посланіе, въ которомъ говорилось, что всѣ, работающіе въ народѣ, требуютъ созыва общаго съѣзда организаціи для того, чтобы ихъ судить и исключить изъ общества, какъ людей, не подходящихъ по духу.

Это лишь произвело большій переполохъ въ средѣ представителей крайней лѣвой, и они рѣшили устроить раньше съѣзда въ Воронежѣ собственный съѣздъ съ цѣлью выработать основанія новой организаціи, которая, въ случаѣ исключенія крайнихъ элементовъ изъ „Земли и Воли“, образуетъ самостоятельную боевую организацію и сейчасъ же начнетъ дѣятельность въ новомъ духѣ.

Представителямъ новаго теченія были разосланы немедленно приглашенія. Съѣздъ былъ назначенъ на 17-е іюня 1879 г. въ г. Липецкѣ, въ Тамбовской губ. Такъ какъ въ этомъ городѣ имѣется курортъ и желѣзистые источники, то предполагалось, что сравнительно многолюдный съѣздъ не обратитъ на себя вниманіе властей. Какъ свидѣтельствуетъ Морозовъ, въ Липецкомъ съѣздѣ принимало участіе всего около 14 человѣкъ: онъ, Александръ Михайловъ, Марія Ошанина, Баранниковъ, Квятковскій, Тихомировъ, Ширяевъ, Колодкевичъ, Желябовъ, Фроленко, Гольденбергъ и друг. Пріѣхавъ въ Липецкъ, революціонеры порасспросили номерныхъ, гдѣ у нихъ устраиваются пикники, и, узнавъ, что мѣстные обыватели ѣздятъ для этой цѣли за городъ въ одинъ лѣсокъ, они наняли извозчиковъ, накупили закусокъ и напитковъ и двинулись туда. Мѣсто оказалось вполнѣ подходящимъ и, главное, въ достаточной степени уединеннымъ. Оставивъ извозчиковъ у какого-то трактира, революціонеры расположились на полянкѣ среди деревьевъ, и засѣданія съѣзда открылись.

Они происходили три дня, съ 17-го по 20-е іюня. Кто предсѣдательствовалъ тамъ, такъ и неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно, былъ-ли тамъ, вообще, предсѣдатель. Секретаремъ съѣзда былъ избранъ Желябовъ, такъ какъ оказалось, что онъ отлично можетъ схватывать сущность чужой мысли и формулировать ее. Какъ свидѣтельствуетъ Фроленко, большихъ споровъ, длинныхъ разсужденій на съѣздѣ не было, хотя на первыхъ порахъ начало ась, было, обычная исторія,—неумѣніе русскихъ вести собраніе, и всякій спѣшилъ, не слушая другихъ, высказать свое мнѣніе.

Липецкій съѣздъ имѣетъ громадное значеніе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Тамъ были выработаны основныя и положено начало возникновенію организаціи, пріобрѣвшей со-време

немъ такую громкую извѣстность, „Народной Воли“. Свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ про Липецкій съѣздъ, не отличаются полнотою. Кромѣ воспоминаній Морозова и Фроленко, главнымъ источникомъ для исторіи съѣзда служатъ показанія Гольденберга, помѣщенныя отчасти въ дѣлѣ 16-ти террористовъ, оспариваемыя другими и во многихъ частяхъ недостовѣрныя.

Здѣсь нельзя не напомнить, что общества, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, представляющія собою не только союзъ лицъ, объединенныхъ на почвѣ одной программы, но организованныхъ по опредѣленному плану, подчиненныхъ извѣстной дисциплинѣ, исполняющихъ распоряженія какого-либо центральнаго органа, правленія-ли, центральнаго-ли комитета или диктатора,—почти не извѣстны русскому революціонному движенію. Если не считать тайныхъ обществъ декабристовъ и „народной расправы“ Нечаева, существовалъ только рядъ попытокъ къ созданію большого тайнаго общества: „Московская организація 1875 г.“, Натансоновская „Земля и Воля“, „Кіевскій Исполнительный Комитетъ 1878 г.“.

Въ началѣ 70-хъ г.г. русскіе революціонеры относились крайне отрицательно къ самой идеѣ организаціи, и кн. Кропоткинъ, Клеменсъ и др. прямо высмѣивали ее, но затѣмъ опытъ приводитъ ихъ къ сознанію необходимости болѣе прочной и крѣпкой организаціи. Александръ Михайловъ мечтаетъ о ней еще въ 1875 г., задумываются надъ нею и другіе члены кружковъ, дѣйствующихъ самостоятельно и вразбродъ, покане удается, наконецъ, осуществить такую организацію, просуществовавшую около восьми лѣтъ.

Организація эта носитъ названіе „Народной Воли“. Ея программа, подвергшаяся впослѣдствіи болѣе детальной разработкѣ,—по свидѣтель-

ству Морозова,—сводилась къ слѣдующимъ требованіямъ:

„1) Постоянное народное представительство, имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ;

2) широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики;

6) полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи;

7) всеобщее избирательное право, безъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій, и

8) замѣна постоянной арміи территоріальной".

Однако, главное значеніе Липецкаго съѣзда заключается вовсе не въ выработкѣ политической платформы, какъ бы мы выразились теперь, но въ выработкѣ началъ, легшихъ въ основаніе новой организаціи революціонныхъ силъ. По мысли Липецкаго съѣзда, всѣ революціонеры должны были составить нѣчто въ родѣ одного большого тайнаго общества. Центральный органъ общества должна была составлять распорядительная комиссія въ составѣ трехъ членовъ. Мы знаемъ, что въ члены этой комиссіи были избраны на Липецкомъ съѣздѣ: Александръ Михайловъ, Тихомировъ и Фроленко, но какія, собственно, полномочія были даны комиссіи, на какой срокъ она была избрана и, главное, кѣмъ она должна была избраться на будущее время: общимъ-ли съѣздомъ членовъ общества „Народной Воли", съѣздомъ-ли его представителей, „Исполнительнымъ Комитетомъ", или какимъ-нибудь другимъ порядкомъ все это вопросы на которые мы не на-

ходнымъ отвѣта въ разсказахъ современниковъ. Вообще, роль „директоровъ“ „Народной Воли“ намъ представляется въ высокой степени неясной, и, вообще, подлежитъ сомнѣнію, существовали-ли эти должности фактически. Во всякомъ случаѣ „директора“, которыхъ, впрочемъ, никто не называлъ такимъ образомъ, состояли вмѣстѣ съ тѣмъ членами „Исполнительнаго Комитета“ и пользовались извѣстностью, какъ члены такового.

По идеѣ учредителей, „Исполнительный Комитетъ“ долженъ былъ являться низшимъ и подчиненнымъ органомъ общества, приводящимъ въ исполненіе, надо полагать, распоряженія „дирекціи“, но весьма сомнительно, такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ. По-видимому, „Исполнительный Комитетъ“ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, самъ вырабатывалъ программу дѣйствій и самъ приводилъ ее въ исполненіе.

Кромѣ центральныхъ органовъ, у общества должны были существовать отдѣлы: литературный по пріобрѣтенію связей, по добыванію средствъ, пропаганды и, вѣроятно, также и провинціальные отдѣлы. Каждый изъ отдѣловъ долженъ былъ заниматься своимъ дѣломъ: добывать-ли новыхъ бойцовъ, но всѣ отдѣлы должны были подчиняться центру, которому придавалось особенное значеніе, почти диктаторское. Впрочемъ, „Народная Воля“ была объединена скорѣе только на бумагѣ, въ теоріи, чѣмъ фактически. По единогласнымъ отзывамъ источниковъ, члены общества обнаруживали всегда явное отвращеніе къ конспираціи, тайнѣ, повиновенію распоряженіямъ центральной организаціи. Самъ Морозовъ свидѣтельствуетъ, что ему очень не понравились попытки централистическаго устройства, находя, что основой крѣпости организаціи долженъ быть товарищескій духъ, а не іерархическое устройство. Въ особенности было трудно подчинить дисциплинѣ провинціальные отдѣлы. Помогало часто

лишь то, что въ члены провинціальной группы вступалъ кто-либо изъ членовъ петербургской организаціи, который и улаживалъ дѣла, сглаживалъ шероховатости.

Члены организаціи должны были раздѣляться на полноправныхъ и неполноправныхъ, или агентовъ, но способъ зачисленія въ ту и другую категорію является недостаточно яснымъ. Вообще, нельзя не замѣтить, что Липецкій съѣздъ являлся въ сущности заговоромъ нѣкоторой части русскихъ революціонеровъ, рѣшившихъ захватить въ свои руки власть надъ всѣми многочисленными кружками, существовавшими въ различныхъ концахъ Россіи, и подчинить ихъ своей программѣ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, почему въ уставѣ обходился молчаніемъ вопросъ о вербовкѣ позднихъ членовъ въ организацію; вообще, этими членами должны были являться старые землевольцы, права которыхъ на званіе участниковъ организаціи заговорщики не отрицали.

Уставъ организаціи былъ окончательно принятъ и утвержденъ единогласно во второмъ засѣданіи съѣзда. Тогда же были произведены выборы редакторовъ органа партіи, въ каковые были избраны: Тихомировъ и Морозовъ. Въ третьемъ и послѣднемъ засѣданіяхъ съѣзда обсуждалась программа будущихъ предпріятій его, причемъ результатомъ этихъ обсужденій былъ рядъ покушеній на Императора Александра II и ихъ роковой финалъ, 1-е марта 1881 г.

1710

II.

Ворожнескій съѣздъ.—Отпаденіе Плеханова.—Собраніе въ Лѣсномъ. „Народная Воля." и „Черный Передѣлъ".—Кража изъ херсонскаго казначейства.—Три покушенія на жизнь Императора Александра II.—Арестъ типографіи „Народной Воли."—Бѣгство Морозова за границу.—Кравчинскій и Жуковскій у Гамбетты.—Затишье передъ бурею.—Арестъ Михайлова.—6 марта.

Изъ Липецка почти всѣ участники „заговора" отправились въ Воронежъ, гдѣ заблаговременно Поповъ и Вѣра Фигнеръ облюбовали подходящія мѣста для совѣщаній. Поповъ провелъ два дня на вокзалѣ въ Козловѣ, гдѣ встрѣчалъ пріѣзжавшихъ землевольцевъ и направлялъ ихъ въ Воронежъ. Собралось на съѣздѣ всего человѣкъ 25: Вѣра и Евгенія Фигнеръ, М. Поповъ, Антекманъ, Хотинскій, Девель, Хоризоменовъ, Преображенскій, Щедринъ, Прѣсняковъ, Ал. Михайловъ, Плехановъ, Фроленко, Тихоміровъ, Желябовъ, Ширяевъ, Баранниковъ, Перовская, Тищенко, Морозовъ, Квятковскій, Колоткевичъ, Исаевъ, Сергѣева и еще два-три человѣка, фамиліи которыхъ забылись. Почти у каждаго изъ собравшихся было еще по 2—3 голоса по довѣренности отсутствующихъ членовъ. Всего засѣданій съѣзда было четыре: два въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ ботаническаго сада, два въ рощѣ по рѣкѣ Воронежу, близъ водяной мельницы. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ Титычъ (Тищенко)

Какъ мы отмѣтили въ предъидущей главѣ, съѣздъ былъ созванъ отчасти для суда надъ редакціей „Земли и Воли“, въ статьяхъ которой Плехановъ и Поповъ усмотрѣли новшества, находящіяся въ противорѣчіи съ основными принципами партіи, но съ этимъ судомъ вышелъ одинъ конфузъ для Плеханова. Морозовъ такъ описываетъ этотъ инцидентъ. Сейчасъ же послѣ открытія съѣзда Плехановъ потребовалъ прочтенія статьи Морозова въ „Листкѣ Земли и Воли“ по поводу политическихъ убійствъ. Это желаніе было исполнено, статья была выслушана, но по окончаніи чтенія Фроленко воскликнулъ: „Прекрасно! Такъ и слѣдуетъ писать статьи въ революціонныхъ органахъ.“ Собравшіеся поддержали Фроленко, причемъ оказалось, что всѣ раздѣляютъ взгляды, выраженные въ „Листкѣ“.

„Въ такомъ случаѣ, здѣсь мнѣ нечего больше дѣлать!“, объявилъ Плехановъ, медленно повернулся и удалился въ глубину лѣса. На рѣшеніе съѣзда былъ поставленъ вопросъ, слѣдуетъ-ли считать Плеханова принадлежащимъ организаціи, причемъ большинство признало, что его слѣдуетъ считать добровольно выбывшимъ изъ „Земли и Воли“ и, если онъ пожелаетъ поступить въ нее вновь, то къ нему придется отнестись, какъ ко всякому поступающему вновь, то есть потребовать у него согласія на программу и уставъ и подвергнуть его баллотировкѣ.

Липецкіе „заговорщики“ оказались въ довольно странномъ положеніи: они побѣдили оппозицію безъ боя, и большинство голосовъ оказалось на ихъ сторонѣ. Воспользовавшись окончаніемъ засѣданія, они слѣдующее засѣданіе назначили черезъ день съ тѣмъ, чтобы воспользоваться свободнымъ днемъ и устроить совѣщаніе своей группы. Они рѣшили не уходить изъ „Земли и Воли“ и потребовать отъ съѣзда признанія полной автономіи „Исполнительнаго Комитета“, само названіе котораго оспаривалось до тѣхъ поръ. Съѣздъ удовлетворилъ всѣ эти

требованія и предоставилъ „Исполнительному Комитету“ право принимать новыхъ членовъ, употреблять особую печать и т. д. На съѣздѣ обсуждалась также программа „Земли и Воли“, всѣ основные пункты которой остались безъ измѣненія, было рѣшено тратить на террористическія предпріятія не больше 1/3 изъ имѣющихся денежныхъ средствъ, остальныя 2/3 предназначались для деревенской агитаціи. Въ общемъ на съѣздѣ господствовало совнательное желаніе обойти возможность раскола, и, если тотъ или другой ораторъ начиналъ увлекаться, его сейчасъ же останавливалъ кто-либо изъ друзей. Передъ закрытіемъ съѣзда въ организацію были приняты: Вѣра Засуличъ, Стефановичъ и Дейчъ. Была избрана, какъ и въ Липецкѣ, распорядительная комиссія изъ трехъ членовъ, куда вошли: Титычъ, Фроленко и Михайловъ. Морозовъ былъ избранъ секретаремъ и хранителемъ бумагъ организаціи, онъ же и Тихомировъ были избраны редакторами журнала „Земля и Воля.“

Вскорѣ выяснилось, что организаціи не удастся избѣжать раскола. Часть петербургской организаціи поддерживала сношенія съ Плехановымъ, сообщала ему всѣ интимныя дѣла общества въ противоположность уставу. Къ Плеханову примкнули: Вѣра Засуличъ, Стефановичъ и Дейчъ, что придало вѣсъ его фракціи, такъ какъ эти лица пользовались большою популярностью среди молодежи.

Какъ сообщаетъ Любатовичъ, собранія новаго „Исполнительнаго Комитета“, избраннаго въ Липецкѣ, и стараго происходили отдѣльно, въ Лѣсномъ, подъ открытымъ небомъ. Несогласія между двумя фракціями усиливались, и въ одинъ прекрасный день хозяйка партійной типографіи, Крылова, завербованная во фракцію Плеханова Стефановичемъ, объявила, что она не позволитъ печатать ни одной статьи въ новомъ духѣ. Морозовъ пытался разубѣдить ее, доказать ей неосновательность ея возрѣ-

ній, но она упала въ истерику, и ему пришлось бѣжать за холодною водою вмѣсто всякихъ доказательствъ. Пробовали сговориться съ Крыловой Тихомировъ и Морозовъ, но и они не могли ничего подѣлать съ завѣдывающей типографіею. Ушли два мѣсяца на улаживаніе возникавшихъ ежедневно недоразумѣній. Стали возникать пререканія, интриги одной фракціи противъ другой, многіе стали терять самообладаніе и, наконецъ, въ октябрѣ 1879 г. было рѣшено назначить уполномоченныхъ для осуществленія раздѣла. Обѣ фракціи были объявлены независимыми обществами, причемъ липецкіе заговорщики приняли названіе общества „Народной Воли", сторонники Плеханова, Стефановича и т. д.—„Чернаго Передѣла". Оба общества должны были дѣйствовать самостоятельно, и ни одно изъ нихъ не имѣло права называться „Землей и Волей". Устивъ „Земли и Воли", ея печати, документы достались народовольцамъ, какъ большинству, капиталы было рѣшено раздѣлить поровну, но такъ какъ всѣ болѣе состоятельные члены перешли къ „чернопередѣльцамъ" и передали туда все, что имъ принадлежало, у организаціи же другихъ средствъ не было, то, въ сущности, какъ утверждаетъ Морозовъ, народовольцамъ при раздѣлѣ не досталось и копѣйки. Большая часть типографіи „Земли и Воли" досталась „Черному Передѣлу", но и „Народная Воля" вскорѣ оборудовала свою собственную, новую типографію.

Морозовъ такъ объясняетъ происхожденіе названій „Черный Передѣлъ" и „Народная Воля": Первая группа называла себя „Чернымъ Передѣломъ" или „народниками" въ знакъ того, что главная цѣль ихъ общества—передѣлъ всѣхъ земель Россіи начерно между общинниками-крестьянами. Вторая группа назвала себя „Народной Волей" или „народовольцами" въ знакъ того, что непосредственная ея цѣль—замѣна существующаго самодержавнаго

режима представительнымъ, основаннымъ на проявленіи воли всего народа.

Итакъ, моментомъ возникновенія „Народной Воли“ слѣдуетъ считать, собственно, октябрь 1879 г. Если даже предположить, что новый „Исполнительный Комитетъ“ открылъ свою дѣятельность съ момента Липецкаго съѣзда, то все-таки придется признать, что знаменитый подкопъ подъ херсонское казначейство, гдѣ было похищено 1.579 тыс. руб., неосновательно приписывается инициативѣ „Исполнительнаго Комитета.“ Подкопъ былъ обнаруженъ 4 іюня, Липецкій съѣздъ происходилъ съ 17 по 21 іюня. Какъ свидѣтельствуетъ Любатовичъ, херсонское покушеніе было дѣломъ Федора Юрковскаго и его компаніи (Россиковой, Южаковой, Франжоли, Погорѣлова, Чепецкаго, Ченской, Морозовой, крестьянъ мужа и жены Щербаченко и Адама и Симы Перштъ). Юрковскій даже не принадлежалъ къ организаціи „Земли и Воли“. Узнавъ о грандіозномъ захватѣ денегъ и о критическомъ положеніи компаніи Юрковскаго, Зунделевичъ спѣшно выѣхалъ изъ Петербурга въ надеждѣ помочь имъ укрыться, но мѣстечко Алыпки, гдѣ укрывались революціонеры, было уже окружено войсками, и всѣ деньги были отобраны.

Участники кражи изъ херсонскаго казначейства, за исключеніемъ главнаго руководителя этого дѣла, Юрковскаго, были преданы суду одесскаго военнаго суда, приговорившаго Россикову къ безсрочной каторгѣ, Франжоли къ каторжнымъ работамъ на 4 года, остальныхъ подсудимыхъ къ меньшимъ наказаніямъ.

Лѣтомъ 1879 г. Юрковскій появился въ Петербургѣ и обращался въ тамошнихъ революціонныхъ кружкахъ. Изъ похищеннаго 1½ милліона онъ сохранилъ только одну десятирублевку, которую долго

хранили революціонеры, какъ достопримѣчательность. Какъ свидѣтельствуетъ Любатовичъ, онъ въ Петербургѣ даже попалъ однажды случайно въ руки полиціи вслѣдствіе того, что вскочилъ на ходу въ поѣздъ, шедшій изъ Удѣльной въ Лѣсной, но на этотъ разъ отдѣлался дешево. Вскорѣ онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ былъ арестованъ и приговоренъ кіевскимъ военнымъ судомъ въ каторгу на 20 лѣтъ въ томъ же 1880 г., въ качествѣ одного изъ обвиняемыхъ по такъ называемому „большому кіевскому процессу".

Дѣломъ новаго „Исполнительнаго Комитета" были три покушенія на взрывъ Императорскаго поѣзда: на 12 верстѣ Одесской дороги, вблизи Александровска и подъ Москвою, 19 ноября 1879 г., описанныя нами въ выпускѣ, посвященномъ исторіи процесса „16-ти". Руководителемъ перваго покушенія былъ Фроленко, второго — Ширяевъ, третьяго—Гартманъ и Перовская.

Московскій взрывъ повлекъ за собою усиленныя репрессіи и многочисленные аресты въ Петербургѣ. Какъ разсказываетъ Любатовичъ, вскорѣ послѣ взрыва, однажды утромъ, къ квартиру, занимаемую ею и Морозовымъ, пришла С. Перовская и сообщила имъ, что бѣжитъ къ Кватковскому, предупредить его, что въ его квартирѣ будетъ обыскъ. Вмѣсто Перовской отправилась туда О. Любатовичъ и попала въ руки полиціи; тамъ уже производился обыскъ, результатомъ котораго былъ арестъ четырехъ килограммовъ динамита, 1000 экземпляровъ революціонныхъ изданій, приборовъ для взрыва мины, оружія и плана Зимняго дворца.

Любатовичъ, въ полной увѣренности, что Морозовъ узналъ про ея арестъ и успѣлъ очистить ея квартиру и самъ скрылся къ вечеру, указала полиціи свой адресъ и была отправлена туда съ около-

точнымъ. Морозовъ, однако, оказался въ квартирѣ, хотя ее и успѣлъ очистить. Тамъ былъ произведенъ обыскъ, но секретарь „Народной Воли“ на этотъ разъ успѣлъ спастись. Такъ какъ въ квартирѣ не было найдено ничего подозрительнаго, то онъ и Любатовичъ были подвергнуты домашнему аресту, изъ подъ котораго бѣжали въ тотъ же вечеръ. Они поселились послѣ этого въ помѣщеніи типографіи „Народной Воли“, въ Саперномъ переулкѣ, откуда случайно успѣли переѣхать на другую квартиру за нѣсколько дней до разгрома типографіи, послѣдовавшаго (см. „Процессъ 16-ти“) въ ночь съ 17 на 18 января 1880 г. и сопровождавшагося отчаяннымъ вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Какъ разсказываетъ хозяйка первой типографіи „Народной Воли“, Иванова-Борейша, при ликвидаціи типографіи „Земли и Воли“ три наборщика послѣдней перешли въ новую типографію. Квартиру въ Саперномъ переулкѣ нашли Квитковскій и Михайловъ. Нанимали ее Иванова-Борейша и Букъ, проживавшіе по документамъ отставного чиновника и его жены. Оба они, а также Евгенія Фигнеръ и Лейзеръ Цукерманъ, были арестованы во время разгрома. Пятый наборщикъ типографіи, Любкинъ, по прозванію „птица“, застрѣлился. Во время осады квартиры революціонеры выбрасывали въ окна типографскія принадлежности и перебили всѣ стекла, благодаря чему Александръ Михайловъ, отправившійся на слѣдующее утро въ типографію, имѣлъ возможность сообразить сразу, въ чемъ дѣло, и прошелъ съ непозмутимымъ видомъ мимо разгромленной квартиры.

Вслѣдъ за разгромомъ типографіи „Народной Воли“, успѣвшей выпустить три номера журнала, была арестована и типографія „Чернаго Передѣла“, помѣщавшаяся въ домѣ № 23 по 14-ой линіи Васильевскаго острова. Въ ночь съ 27 на 28 января

1880 г. полиція позвонила у дверей этой квартиры, но, такъ какъ никто не отзывался, то пришлось взломать одну за другою нѣсколько дверей. Въ послѣдней комнатѣ, за ширмами, былъ найденъ типографскій станокъ, 4 пуда шрифта, оружіе, фальшивые паспорты и только-что отпечатанный въ количествѣ свыше 3 тыс. экземпляровъ первый номеръ „Чернаго Передѣла“. Во время разгрома были арестованы: упомянутая выше Марія Крылова, Иннокентій Пѣнковъ, Тесленко-Приходько, Николай Колоткевичъ и Василій Переплетчиковъ. Они были преданы суду петербургской судебной палаты, которая приговорила: Крылову и Пѣнкова къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь, Колоткевича и Приходько—въ Западную, Переплетчикова къ 4 мѣс. тюремнаго заключенія.

Послѣ ареста типографіи „Народной Воли“, редакторъ журнала и секретарь „Исполнительнаго Комитета“, Николай Морозовъ, взялъ у организаціи безсрочный отпускъ и уѣхалъ за границу съ Ольгою Любатовичъ, подъ видомъ супруговъ Хитрово, по своимъ легальнымъ паспорту. Они отправились въ Женеву, гдѣ встрѣтили Кравчинскаго, Драгоманова, Кропоткина, Вѣру Засуличъ, Стефановича и Дейча, изъ которыхъ послѣдніе трое тоже бѣжали за границу послѣ разгрома типографіи „Чернаго Передѣла“. По порученію „Исполнительнаго Комитета“ вся эта компанія принимала дѣятельное участіе въ агитаціи, имѣвшей цѣлью освобожденіе Гартмана, арестованнаго въ Парижѣ. Такъ какъ Россія требовала выдачи виновника, 19 января 1879 г., Кравчинскій и Жуковскій представлялись по этому поводу Гамбеттѣ, тогдашнему французскому премьеру, который принялъ ихъ сурово и, какъ передаетъ Любатовичъ, сообщилъ имъ, что Гартманъ будетъ высланъ изъ Франціи на ближайшую границу, а не выданъ, не въ силу сочувствія къ русской революціонной партіи, но въ силу законовъ Франціи.

Гартманъ, какъ извѣстно, не былъ выданъ и проживалъ то въ Англіи, то въ Америкѣ.

Пока вышеперечисленные революціонеры находились за границей, въ Россіи произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ и первый разгромъ „народовольцевъ“, результатомъ котораго явился процессъ „16-ти,“ и казни Квятковскаго и Преснякова.

Какъ извѣстно, виновники покушеній 1879 г. были обнаружены благодаря признаніямъ Гольденберга. Типографіи обоихъ революціонныхъ обществъ были тоже открыты, благодаря указаніямъ нѣкоего Александра Жаркова, принятаго въ среду революціонеровъ по рекомендаціямъ изъ Саратова. 5 февраля 1880 г. Жарковъ былъ убитъ по распоряженію „Исполнительнаго Комитета“, съ помощью желѣзной гири и кинжала, около 6 час. вечера, на набережной Малой Невки. Хотя власти и предполагали, что убійство совершилъ Пресняковъ при участіи студента Валеріана Броневскаго, „чернопередѣльца“, но доказать этого такъ и не удалось. Броневскій былъ сосланъ въ Западную Сибирь административнымъ порядкомъ.

„Исполнительный Комитетъ“, хотя и лишился нѣсколькихъ самыхъ энергическихъ членовъ, продолжалъ стремиться къ своей мрачной цѣли. 1880 г. ознаменованъ рядомъ предпріятій, правда, въ большинствѣ случаевъ не доведенныхъ до конца по тѣмъ или другимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ, въ виду предполагавшейся поѣздки Государя Императора въ Одессу, Меркуловъ, Филипповъ, Перовская, Златопольскій, Саблинъ и Исаевъ приступили къ минированію Итальянской улицы. Уже были заготовлены для этой работы всѣ необходимые инструменты и даже былъ устроенъ вертикальный колодезь, который долженъ былъ служить входомъ въ подкопъ, когда у Исаева, приготовлявшаго динамитъ, произо-

шелъ взрывъ, оторвавшій ему три пальца. Одновременно было получено извѣстіе, что Императоръ пріѣдетъ въ Одессу черезъ три дня, и революціонеры, увидѣвъ, что они не успѣютъ устроить мины въ столь короткій срокъ, оставили это предпріятіе и засыпали колодезь.

Спустя нѣсколько недѣль былъ минированъ въ Петербургѣ Каменный мостъ на Екатерининскомъ каналѣ.

Десятое покушеніе готовилось тоже по иниціативѣ „Исполнительнаго Комитета“ вблизи станціи Окулово, по Николаевской желѣзной дорогѣ, но тамъ полиція напала на слѣдъ заговора, и предпріятіе было оставлено въ стадіи подготовительныхъ работъ.

Во второй половинѣ 1880 г. въ революціонной дѣятельности наступаетъ видимое затишье: нѣтъ покушеній, нѣтъ террористическихъ актовъ. Правительство объясняло это энергіей полиціи, подтянутой Лорисъ-Меликовымъ. Двадцать одинъ политическій процессъ, разобранный въ этомъ году, выхватилъ изъ рядовъ революціонеровъ около 200 человѣкъ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ полагалъ, что успокоеніе достигнуто, и считалъ своевременнымъ заняться общегосударственными реформами.

На самомъ дѣлѣ, успокоеніе было кажущимся Агенты „Исполнительнаго Комитета“ совершали инспекціонныя поѣздки въ мѣстности, гдѣ, по его мнѣнію, должно было вспыхнуть возстаніе. Партія торжествовала и считала въ это время въ своихъ рядахъ 500 человѣкъ, готовыхъ на все. Возобновилось не только изданіе „Народной Воли“, но даже „Черный Передѣлъ“ сталъ выпускать свои номера. Партійные техники, Исаевъ, Кибальчичъ, Сухановъ, занимались производствомъ опытовъ со

взрывчатыми веществами и снарядами. Михайлову удалось собрать довольно большія денежныя средства.

4-го ноября въ Петербургѣ были казнены Ирѣсняковъ и Квятковскій. Желая сохранить память о погибшихъ товарищахъ, Михайловъ заказалъ фотографическія карточки казненныхъ въ фотографіяхъ Александрова и Таубе на Невскомъ проспектѣ. Одинъ изъ фотографовъ донесъ объ этомъ полиціи, и въ обоихъ заведеніяхъ была устроена засада. Когда Михайловъ явился за заказанными карточками, то замѣтилъ странное поведеніе фотографа. Онъ не отдавалъ карточекъ и неожиданно выскочилъ куда-то, вѣроятно, далъ знать полиціи. Еще болѣе странно держалъ себя швейцаръ, мимо котораго проходилъ Михайловъ, не дождавшись своихъ карточекъ, и, по всѣмъ признакамъ, хотѣлъ задержать его. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней Михайловъ опять отправился туда. Оказалось, что у подъѣзда фотографіи уже дежурилъ нѣсколько дней околоточный надзиратель Кононенко, переодѣтый въ штатское платье. Когда Михайловъ вышелъ изъ фотографіи, Кононенко послѣдовалъ за нимъ; замѣтивъ его, Михайловъ вскочилъ въ вагонъ конки, Кононенко за нимъ. Соскочивъ съ конки, Михайловъ хотѣлъ сѣсть на извозчика, но тутъ Кононенко бросился на него и задержалъ его при помощи городовыхъ. Въ квартирѣ Михайлова было найдено большое количество динамита.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ ареста Михайлова прекратившаяся, было, дѣятельность „Исполнительнаго Комитета“ возобновилась. Въ декабрѣ 1880 г. Желябовъ и Фроленко, при участіи нѣсколькихъ революціонеровъ, пытались проникнуть путемъ подкопа въ кишиневское казначейство, но были вынуждены отказаться отъ этого предпріятія, такъ какъ

мѣстная полиція обратила вниманіе на ихъ работу. Вскорѣ затѣмъ Богдановичъ, Якимова, Желябовъ и др. приступили къ устройству подкопа подъ Малой Садовой въ Петербургѣ, и начались приготовленія къ покушенію 1 марта 1881 г.

III

Послѣ катастрофы.—Священная дружина.—Ея переговоры съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“.—Сліяніе „Чернаг-Передѣла“ съ „На одною Волею“.—Убійство Стрѣльникова.—Казнь Халтурина,—Дѣятельность Вѣры Фигнеръ.—Возникновеніе военной организаціи.

Какъ сообщаетъ Прибылева-Корба, 1 марта, въ 4 ч. пополудни, „Исполнительный Комитетъ“ собрался на конспиративной квартирѣ у Вознесенскаго моста. Тихоміровъ удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ имъ была написана прокламація, помѣченная 1 марта. Обязанность редактора и секретаря организаціи исполнялъ тогда Тихоміровъ; Морозовъ, пробывшій годъ заграницей, возвратился въ Россію въ февралѣ 1881 г., но былъ задержанъ въ Сувалкахъ подъ фамиліей Лакіера и находился уже въ домѣ предварительнаго заключенія. Прокламація, составленная Тихоміровымъ, была одобрена „Комитетомъ“ и отправлена въ типографію.

Затѣмъ Перовская, Исаевъ и Богдановичъ составили, по порученію „Комитета“, воззваніе: „Ко всему народу русскому“, помѣченное 2 марта, и, наконецъ, Грачевскому и Тихомірову было поручено составленіе письма къ Императору Александру III. Редакція Грачевскаго была забракована и принятою оказалась редакція Тихомірова, съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ засѣданіяхъ „Комитета“ принимали участіе: Перовская, Сухановъ, Лебедева,

Исаевъ, Грачевскій, Фроленко, Тихоміровъ, Златопольскій и Прибылева-Курба. Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ чтеніями письма Перовская была арестована, и ее замѣнила Вѣра Фигнеръ.

Засѣданія „Комитета" происходили или въ конспиративной квартирѣ у Вознесенскаго моста, или въ Коломнѣ. Типографія „Народной Воли" помѣщалась на Подольской улицѣ. Тамъ были отпечатаны всѣ три воззванія. Одинъ экземпляръ „письма", тщательно отпечатанный на веленевой бумагѣ, былъ вложенъ въ конвертъ съ адресомъ Императора Александра III и опущенъ въ почтовый ящикъ на Казанской площади.

Вслѣдъ за напечатаніемъ письма произошелъ разгромъ „Исполнительнаго Комитета." Фроленко, Исаевъ, Сухановъ и длинный рядъ второстепенныхъ дѣятелей были арестованы, наступилъ рядъ большихъ политическихъ процессовъ, но, несмотря на огромныя потери, организація разрушена не была. Тихоміровъ, Богдановичъ, Златопольскій, Грачевскій, Вѣра Фигнеръ и т. д. оставались на свободѣ, они даже печатали свои воззванія и прокламаціи, наводняя ими Россію. „Народная Воля" стягивала свои силы и разсчитывала продолжать борьбу.

6 мая 1881 г. Валуевъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ:

„Противъ крамольниковъ организуется, не знаю, по чьей иниціативѣ, дружина, именуемая священною, предназначающая себя для охраны Государя и общественнаго порядка и набираемая à la carbonari небольшими группами изъ пяти членовъ, изъ которыхъ только одинъ, старшій братъ, знаетъ дальнѣйшее связующее звено"...

„Первоначальная идея священной дружины была при данныхъ обстоятельствахъ правильная,—приписалъ впослѣдствіи Валуевъ.—Члены дружины принимали на себя, такъ сказать, роль „спеціальныхъ контаблей", но негласно, потому что цѣль заключа-

лась въ отпорѣ тайнымъ покушеніямъ, а не явнымъ нарушеніямъ общественнаго порядка. На первыхъ порахъ къ дружинѣ примкнули многіе офицеры, такъ понимавшіе цѣль учрежденія, но вскорѣ, подъ вліяніемъ неумѣлыхъ, легкомысленныхъ и тщеславныхъ вожаковъ дѣла она приняла другой характеръ. Дружина обратилась въ соперника государственной полиціи и приняла типъ бывшаго 3-го Отдѣленія по части разныхъ доносовъ и сплетней. Отъ нея отшатнулись всѣ порядочные элементы."

Какъ свидѣтельствуетъ оффиціальный отчетъ ген. Шебеко, существовала даже не одна, но двѣ тайныя дружины: „Доведенная до отчаянія ужаснымъ преступленіемъ, группа мужественныхъ добровольцевъ рѣшила организовать тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка, цѣлью котораго было вырѣзать анархистовъ. Другой кружокъ добровольцевъ съ спеціальнымъ намѣреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ и сыскной дѣятельности, какъ въ Россіи, такъ и за границей, дѣйствительно сорганизовался; въ его составъ вошли лица, занимающія самыя высокія положенія въ столицѣ; эта ассоціація носила имя „дружины" и функціонировала до осени 1882 г."

Эта-то дружина и пыталась, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ Н. П. Игнатьева, заключить перемиріе съ „Исполнительнымъ Комитетомъ." Какъ разсказываетъ Дебогорій-Мокріевичъ, лѣтомъ 1882 г. онъ получилъ въ Марсели телеграмму отъ Драгоманова, приглашавшаго его по важному дѣлу въ Женеву. Мокріевичъ отправился туда, и Драгомановъ познакомилъ его въ своей квартирѣ съ господиномъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи и назвавшимъ себя докторомъ Новинскимъ. Послѣдній объяснилъ прямо Мокріевичу, что онъ состоитъ членомъ „добровольной охраны" и пріѣхалъ за границу съ цѣлью отыскать пути къ „Исполнительному Комитету" и завязать съ нимъ сношенія.

Такъ какъ Дебогорій-Мокріевичъ не состоялъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“, то онъ предложилъ Новицкому поѣхать съ нимъ въ Парижъ, обѣщая тамъ познакомить его съ агентами „Комитета“, Оловянниковою и Лавровымъ.

Дальнѣйшіе переговоры велись Лавровымъ. Были выработаны даже предварительныя условія соглашенія, по которымъ лига обязывалась выхлопотать амнистію Чернышевскому, или облегченіе участи политическихъ каторжныхъ въ Сибири, „Комитетъ“ же обязывался опубликовать прокламацію, въ которой долженъ былъ оповѣстить Россію, что онъ воздержится отъ террористическихъ актовъ съ тѣмъ, чтобы дать правительству возможность созвать собраніе представителей.

Есть указанія, что переговоры велись также съ П. К. Михайловскимъ и Тихомировымъ, но привели ли они къ какимъ-нибудь результатамъ,—неизвѣстно. Говорятъ, освобожденіе Чернышевскаго было слѣдствіемъ этихъ переговоровъ, въ которыхъ принимали участіе гр. Воронцовъ-Дашковъ и Шуваловъ, но во всякомъ случаѣ эти переговоры составляютъ совершенно не выясненную страницу въ исторіи революціоннаго движенія.

Конецъ 1881 г. ознаменованъ, между прочимъ, слияніемъ съ „Народною Волею“ „Чернаго Передѣла“. Послѣдняя партія, все время слабая и мало вліятельная, убѣдилась въ своей неспособности конкуррировать съ „Народною Волею“, и въ сентябрѣ 1881 г. Стефановичъ, вернувшись изъ за границы, выработалъ условія компромисса.

Тѣмъ временемъ аресты опустошали все болѣе и болѣе ряды революціонеровъ. Главари партіи стали поневолѣ покидать Петербургъ. Многіе разсѣялись по провинціи, а центръ переселился въ Москву, гдѣ сыскная полиція произвела въ началѣ 1882 г. серьезные аресты. Тамъ были пойманы: Стефановичъ, Булатовъ, Богдановъ (Кобозевъ), Камотный, Злато-

польскій и др. Не менѣе удачно работала полиція въ Петербургѣ, гдѣ были арестованы въ іюнѣ и іюлѣ 1882 г. Грачевскій, Прибылева-Корба и другіе, причемъ была разгромлена лабораторія Грачевскаго для изготовленія взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ. Между прочимъ, тамъ была найдена бомба, предназначавшаяся для Судейкина.

На югѣ, въ Кіевѣ и Одессѣ, политическими дознаніями руководилъ генералъ Стрѣльниковъ, облеченный громадными полномочіями и, какъ прокуроръ, отличавшійся большими способностями и энергіей. Онъ арестовалъ около 200 чел. и подготовилъ два громадныхъ процесса. Эти аресты довели партію до отчаянія, и одесская группа рѣшила убить Стрѣльникова. 10 марта 1882 г. въ 6 час. вечера генералъ совершалъ послѣобѣденную прогулку по бульвару. Въ тотъ моментъ, когда прокуроръ сѣлъ на скамью, къ нему подошелъ сзади молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, и выстрѣлилъ изъ револьвера почти въ упоръ. Смерть послѣдовала моментально. Убійца бросился бѣжать по лѣстницѣ къ морю, гдѣ его ожидала пролетка, запряженная хорошею лошадью. Онъ даже хотѣлъ вскочить въ экипажъ, но кучеръ оказался столь неопытнымъ, что опрокинулъ пролетку. И кучеръ, и убійца, оба были задержаны, несмотря на то, что защищались съ оружіемъ въ рукахъ. Они тотчасъ же были отданы подъ военный судъ, который 20 марта приговорилъ ихъ къ повѣшенію. Смертная казнь была приведена въ исполненіе 22 марта.

Первый подсудимый фигурировалъ подъ фамиліей Косогорскаго, второй—Степанова, и только послѣ смерти ихъ было выяснено, что настоящая фамилія перваго—Желваковъ, второго—Халтуринъ. Такимъ образомъ, неопознанный, подъ вымышленнымъ именемъ, въ Одессѣ былъ повѣшенъ Степанъ Халтуринъ, виновникъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ покушенія онъ, при помощи Желя-

бова, бѣжалъ за границу, жилъ въ Румыніи, затѣмъ въ Лондонѣ и, наконецъ, возвратился въ Петербургъ, откуда выписала его Вѣра Фигнеръ для организаціи въ Одессѣ рабочихъ кружковъ. Иниціатива убійства Стрѣльникова принадлежала, собственно, Вѣрѣ Фигнеръ. Ею были доставлены также деньги на покупку экипажа. Она взяла съ Халтурина слово, что онъ лично не будетъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, довольствуясь ролью руководителя, но онъ не сдержалъ своего обѣщанія. Желваковъ былъ молодой человѣкъ, сынъ вятскаго землемѣра, ничѣмъ еще не заявившій себя въ революціонномъ мірѣ. Убійство Стрѣльникова было его первымъ и послѣднимъ дѣломъ.

За нѣсколько дней до убійства Фигнеръ оставила Одессу, гдѣ появилась сейчасъ же послѣ 1 марта 1881 г., избѣжавъ ареста. Она поставила своей задачей поднять энергію революціоннаго движенія на югѣ и съ жаромъ предалась организаціи кружковъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ. Согласно инструкціи, полученной отъ „Исполнительнаго Комитета“, Вѣра Фигнеръ занялась вербовкой и подготовкой новыхъ агентовъ революціи для составленія кадровъ бойцовъ на случай возстанія. Мысль о возстаніи все болѣе и болѣе овладѣвала умами революціонеровъ. Оно должно было вспыхнуть одновременно въ Петербургѣ, Москвѣ и прочихъ городахъ, къ чему сигналомъ должно было послужить задуманное имп новое цареубійство.

Вѣра Фигнеръ, по мужу Филиппова, принадлежала къ числу самыхъ опытныхъ и старыхъ революціонеровъ. Цюрихская студентка, она еще въ 1875 г. была замѣшана въ дѣлѣ московской организаціи (процессъ „50-ти“), но была освобождена за отсутствіемъ уликъ. Всѣдъ затѣмъ она въ теченіе двухъ лѣтъ занималась пропагандою въ Саратовской и Самарской губерніяхъ и состояла фельдшерицей

сначала въ деревнѣ Студенцы, Самарской губ., затѣмъ въ Петровскомъ уѣздѣ, Самарской губ.

Начиная съ Воронежскаго съѣзда, Фигнеръ начинаетъ играть одну изъ первыхъ ролей въ революціонномъ мірѣ. Въ 1879 г. она помогаетъ Исаеву изготовлять динамитъ, во время одесскаго покушенія состоитъ хозяйкой конспиративной квартиры, она же вручаетъ Гольденбергу динамитъ для покушенія подъ Москвою, участвуетъ въ проведеніи подкопа подъ Итальянскою улицею въ Одессѣ, въ 1880 г.; въ 1881 г. она принимаетъ участье въ приготовленіяхъ къ событію 1 марта, доставляетъ часть необходимыхъ средствъ для магазина Кобозева; въ ея квартирѣ, близъ Вознесенскаго моста, происходятъ послѣднія приготовленія по заготовкѣ бомбъ въ ночь на 1 марта.

Наряду съ дѣятельностью Вѣры Фигнеръ самое замѣчательное явленіе революціонной жизни 1881—83 г.г. представляетъ такъ называемая военная организація „Народной Воли“, кружки, возникавшіе одновременно въ различныхъ концахъ Россіи среди военныхъ. Первая военная группа, которая стала вслѣдъ затѣмъ центральною, возникла въ концѣ 1880 г. Ея учредителями были: Рогачевъ (братъ извѣстнаго пропагандиста 70 г.г.), Суховъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодкевичъ, послѣдніе два въ качествѣ делегатовъ „Исполнительнаго Комитета“. Центральная группа поставила своей задачей организацію строго централизованной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа. Члены центральной группы назначались „Исполнительнымъ Комитетомъ“. Непосредственной задачей военной организаціи было активное содѣйствіе партіи „Народной Воли“ въ революціонной борьбѣ съ существующимъ политическимъ и экономическимъ строемъ.

Въ началѣ 1881 г. въ составъ центральной группы вступили: Дегаевъ, Буцевичъ, Похитоновъ.

Весною 1881 г. были арестованы Сухановъ и Штромбергъ, а въ составъ центральнаго кружка вступили: Серебряковъ, Ганинъ и Завалишинъ, а въ началѣ 1883 г. Аптенбреннеръ. Пропаганда была настолько широка, что одновременно стали складываться военные кружки: въ Кронштадтѣ: морскіе, артиллерійскій, армейскій, въ Петербургѣ въ академіяхъ и военныхъ училищахъ, въ Гельсингфорсѣ, въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, въ центральныхъ губерніяхъ, по Волгѣ и на Кавказѣ.

Въ кружкахъ, въ первый, подготовительный періодъ ихъ дѣятельности велись бесѣды по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, излагались ученія Прудона, Луи-Блана, Лассаля, Маркса, катедеръ-соціалистовъ. Пропаганда сначала велась осторожно, а потомъ и открыто. Текущія дѣла Россіи обсуждались за стаканомъ вина чуть-ли не публично, а зачастую произносились и мятежныя рѣчи.

Въ 1883 г. кружки Вѣры Фигнеръ и военная организація были разгромлены, благодаря указаніямъ одного изъ членовъ центральнаго военнаго кружка, Дегаева, передавшаго всѣ нити жандармскому подполковнику Судейкину.

1730

IV.

Дегаевъ. — Его участіе въ террористической дѣятельности. — Владиміръ Дегаевъ на службѣ у Судейкина. — Дегаевъ на югѣ. — Арестъ и бѣгство изъ тюрьмы. — Замыслы Судейкина. — Поѣздка за границу и покаяніе Дегаева. — Убійство Судейкина. — Бѣгство Дегаева и судъ революціонеровъ надъ нимъ. — Судьба Конашевича и Стародворскаго

Сынъ статскаго совѣтника, Сергѣй Петровичъ Дегаевъ учился въ московской гимназіи, затѣмъ перешелъ въ Петербургъ, въ артиллерійское училище. По окончаніи курса онъ служилъ въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, дослужился до чина штабсъ-капитана и одно время состоялъ слушателемъ артиллерійской академіи, но былъ удаленъ оттуда за неблагонадежность. Онъ вышелъ въ отставку въ 1880 г. и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ институтъ путей сообщенія. Его сношенія съ революціоннымъ міромъ начались въ концѣ 70 г.г. и, такъ какъ онъ всегда могъ представить наилучшія рекомендаціи послѣдующимъ дѣятелямъ на революціонномъ поприщѣ, то у него были связи съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ.

Дегаевъ былъ замѣшанъ въ развѣтвленіи заговора цареубійцъ, послѣ 1 марта былъ даже арестованъ, но за отсутствіемъ уликъ былъ вскорѣ освобожденъ. Какъ утверждаетъ Прибылева-Корба, онъ участвовалъ въ работахъ по устройству подкопа подъ Малой Садовой улицей, но все-таки, несмотря

на всѣ старанія, ему не удавалось проникнуть въ „Исполнительный Комитетъ“, который почему-то не хотѣлъ принять его въ число своихъ членовъ.

Послѣ выхода изъ тюрьмы Дегаевъ поѣхалъ въ качествѣ инженера въ Архангельскъ, гдѣ, между прочимъ, женился на тамошней мѣщанкѣ, не отличавшейся ни развитіемъ, ни образованіемъ. Вернувшись осенью въ Петербургъ, Дегаевъ продолжалъ свои занятія въ институтѣ и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Златопольскаго, оставшагося единственнымъ представителемъ „Исполнительнаго Комитета“ въ Петербургѣ.

У Дегаева былъ братъ, Владиміръ, молодой человѣкъ 19 лѣтъ, учившійся въ морскомъ корпусѣ, но удаленный оттуда за неблагонадежность и служившій въ правленіи Рязанской дороги. Въ началѣ 1881 г. онъ былъ задержанъ съ прокламаціями и посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. Онъ просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, но однажды его вызвалъ для допроса начальникъ жандармскаго управленія Судейкинъ и предложилъ ему поступить къ нему на службу, на что тотъ съ вѣдома Златопольскаго и изъявилъ свое согласіе. Впрочемъ, ему не удалось оказать никакихъ существенныхъ услугъ ни „Комитету“, ни Судейкину, который былъ очень имъ недоволенъ.

При посредствѣ брата, по возвращеніи изъ Архангельска, Сергѣй Дегаевъ, съ вѣдома Грачевскаго, смѣнившаго Златопольскаго, уѣхавшаго въ Москву и тамъ арестованнаго, познакомился съ Судейкинымъ и даже получилъ у него работу. Онъ составлялъ для него планъ зданія, которое намѣревался строить департаментъ полиціи, и одновременно помогалъ Грачевскому, готовившему покушеніе на жизнь Судейкина, выслѣживать послѣдняго. Какъ упомянуто выше, покушеніе окончилось весьма неудачно и послужило причиною ареста Грачевскаго, Корбы и другихъ революціонеровъ.

Незадолго передъ этимъ Владиміръ Дегаевъ разошелся окончательно съ Судейкинымъ, а Сергѣй съ женою оставилъ Петербургъ и отправился въ Тифлисъ. Тамъ онъ сошелся съ революціонерами: Галиною Черняевскою, Аранчикомъ и Суровцовымъ, и вмѣстѣ съ ними составилъ планъ ограбленія казначейства въ г. Горн. Прежде чѣмъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, они отправились въ Харьковъ, къ Вѣрѣ Фигнеръ, просить ея помощи и указаній.

Изъ Харькова почему-то Дегаевъ уже не возвратился на Кавказъ. Ограбленіе казначейства было возложено Вѣрою Фигнеръ на одну Черняевскую и Осмоловскаго, молодого человѣка, который долженъ былъ поступить въ казначейство писцомъ, послѣ чего, въ одну изъ ночей своего дежурства, долженъ былъ усыпить часового и ограбить казначейство. Дегаевъ, Суровцовъ и Камопская были отправлены Вѣрою Фигнеръ въ Одессу устраивать тамъ типографію.

Въ это время въ Одессѣ служилъ жандармскій полковникъ Катанскій, подражавшій въ своихъ пріемахъ Судейкину, не обладая талантомъ послѣдняго. Пріѣхавъ незадолго передъ этимъ въ Одессу, онъ сталъ особенно усердно дѣлать обыски, производить аресты и т. д. Въ одесской тюрьмѣ содержалось въ это время много политическихъ, арестованныхъ еще Стрѣльниковымъ. По какому-то случаю они устроили голодовку, о чемъ мѣстная центральная группа распространила по городу прокламацію. Означенная группа даже не знала про существованіе въ Одессѣ подпольной типографіи и напечатала свою прокламацію при помощи гектографа. Разыскивая авторовъ прокламаціи, Катанскій вполнѣ случайно наткнулся на типографію Дегаева.

Послѣдній получилъ шрифтъ и станки всего только за нѣсколько дней до этого, и тяжесть его

корзинъ, втаскиваемыхъ въ квартиру при помощи дворника, обратила на себя вниманіе. Это повлекло за собою арестъ типографіи, послѣдовавшій 18 декабря 1882 г. Дегаевъ, его жена, Камонская и Суровцовъ были арестованы, уцѣлѣлъ только Спандони, успѣвшій спасти большое количество шрифта и типографскихъ принадлежностей, доставленныхъ Фигнеръ для оборудованія второй типографіи. Впрочемъ, 10 января былъ арестованъ на улицѣ и Спандони, посаженный въ одиночкѣ рядомъ съ Дегаевымъ. Какъ узнаемъ изъ разсказа Спандони, Дегаевъ въ тюрьмѣ сильно волновался. Онъ сообщалъ своему товарищу при помощи перестукиванія, что выдалъ себя за убійцу Гейкинга, такъ какъ хочетъ, чтобы его перевезли въ кіевскій тюремный замокъ, откуда онъ надѣется бѣжать при помощи Тихановича или кого-нибудь изъ офицеровъ, принадлежащихъ къ мѣстной военной организаціи. Такъ какъ Спандони имѣлъ большія связи среди военныхъ кружковъ, то Дегаевъ старался добыть у него свѣдѣнія о кіевскихъ офицерахъ, дѣлахъ, адресахъ и т. д. Его ежедневно уводили на полчаса для допроса, послѣ одного изъ которыхъ онъ объявилъ, что его считаютъ агентомъ „Исполнительнаго Комитета“ и что ему угрожаетъ казнь, а потому ему необходимо бѣжать.

Оказалось, что Дегаевъ уже выдавалъ товарищей, но онъ не захотѣлъ объясняться съ такимъ „солдафономъ“, какъ Катанскій, и потребовалъ вызвать къ нему Судейкина, который сейчасъ же былъ вытребованъ изъ Петербурга и пріѣхалъ въ Одессу для допроса своего стараго знакомаго. Тутъ-то между Дегаевымъ и Судейкинымъ состоялось какое-то соглашеніе, результатомъ котораго былъ, прежде всего, побѣгъ Дегаева изъ тюрьмы. Его будто бы повезли въ Кіевъ, въ виду сознанія въ убійствѣ Гейкинга. По дорогѣ на вокзалъ, еще въ Одессѣ, Дегаевъ засыпалъ табакомъ глаза двумъ сопровождавшимъ

его жандармамъ и ловко спрятался въ лабиринтахъ строившагося одесскаго вокзала. Мѣстная организація помогла ему скрыться, и, спустя нѣсколько дней, онъ уже явился къ Вѣрѣ Фигнеръ, въ Харьковъ. Вскорѣ послѣ этого начались аресты среди членовъ военныхъ кружковъ.

Еще до 1882 г., въ бытность свою въ Петербургѣ, Дегаевъ, какъ бывшій офицеръ, занимался агитаціей среди военныхъ, которые, по словамъ Ашенбреннера, прямо обожали его. Онъ имъ казался человѣкомъ очень тонкимъ, ловкимъ, умнымъ, изворотливымъ и предпріимчивымъ. Въ бытность въ Тифлисѣ онъ завязалъ сношенія съ кружкомъ офицеровъ Митральскаго полка и тоже очаровалъ ихъ. Послѣ побѣга изъ одесской тюрьмы онъ обратился къ штабсъ-капитану Крапскому, который отвезъ его въ Николаевъ и устроилъ его въ квартирѣ одного семейнаго офицера, гдѣ бывали члены мѣстнаго военнаго кружка.

Вскорѣ послѣ появленія на югѣ Дегаева начался всеобщій разгромъ народовольческихъ организацій. 10 февраля 1883 г. была арестована въ Харьковѣ Вѣра Фигнеръ, 25 февраля Чубиковъ и Ивановъ. 22 іюня тамъ же была обнаружена тайная типографія и арестованъ Поповскій. Въ мартѣ 1883 г. въ Кіевѣ арестовали поручика Тихоновича, штабсъ-капитановъ Рогачева и Похитонова, Ашенбреннера, и въ первой половинѣ 1883 г. было арестовано всего 18 офицеровъ, въ томъ числѣ въ одномъ Тифлисѣ 8 человѣкъ. Для революціонеровъ стало ясно, что кто-то выдаетъ, измѣняетъ.

Если вѣрить объясненіямъ сестры Дегаева, Маклецовой, ея братъ не былъ простымъ измѣнникомъ, предававшимъ товарищей ради какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Онъ былъ завлеченъ Судейкинымъ въ рискованную и фантастическую политическую аферу; Дегаевъ разсказывалъ сестрѣ, что при первомъ же допросѣ въ Одессѣ Судейкинъ убѣдилъ

его, что онъ самъ, Судейкинъ, хотя и жандармъ, но революціонеръ. Онъ признаетъ полную негодность существующаго строя и необходимость его коренной ломку, но находитъ, что обыкновенные революціонеры борются съ существующими порядками совершенно негодными средствами и только понапрасну истощаютъсвои силы.

„Вы сами знаете, — говорилъ Судейкинъ,— какъ слаба теперь партія. Съ каждымъ днемъ она теряетъ все болѣе и болѣе своихъталантливыхъ членовъ. Вотъ и вы погибнете, а съ вашимъ умомъ и способностями до чего вы могли бы дойти, если бы рѣшились дѣйствовать не противъ правительства, а съ нимъ за одно".

Судейкинъ изложилъ Дегаеву подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его, Судейкина. Правительство, съ одной стороны, будетъ запугано удачными покушеніями, устроенными при помощи Судейкина, а, съ другой стороны: „я сумѣю убѣдить кого слѣдуетъ,— говорилъ Судейкинъ,—въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника, Императору, а тамъ вы уже сами будете дѣйствовать".

Однимъ словомъ, Дегаевъ мечталъ будто бы о захватѣ власти и чуть-ли не о диктатурѣ, но, съ другой стороны, считалъ возможнымъ и естественнымъ для своего возвышенія губить вчерашнихъ друзей и товарищей, находя, что безъ жертвъ людьми не обходится ни одно революціонное предпріятіе. Выдавъ Вѣру Фигнеръ, онъ отправился въ Петербургъ и сталъ тамъ работать во-всю. Въ дѣлѣ провокаціи онъ сдѣлался правою рукою Судейкина.

Существуетъ легенда, что у Судейкина были, дѣйствительно, какіе-то честолюбивые замыслы. Онъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ узлѣ и даже обходили наградами. Онъ получалъ ордена, получалъ даже

аренду, но его упорно не допускали до чиновъ, то есть до самаго главнаго, чего онъ добивался, и Судейкинъ за пять лѣтъ службы, полной блестящихъ успѣховъ, могъ возвыситься всего только изъ капитана въ подполковника. Онъ ждалъ производства въ полковники послѣ коронаціи, но получилъ всего только Владиміра 4-й степени и былъ взбѣшенъ. Подъ вліяніемъ служебныхъ непріятностей Судейкинъ задумалъ будто бы планъ измѣны въ стилѣ Валленштейна. Онъ думалъ поручить Дегаеву сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи. Затѣмъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ онъ долженъ былъ выйти въ отставку, послѣ чего немедленно Дегаевъ долженъ былъ убить гр. Толстого и совершить рядъ другихъ террористическихъ актовъ. Послѣ этого правительство должно будетъ обратиться къ Судейкину, какъ къ единственному спасителю. Одновременно Дегаевъ дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ среди революціонеровъ, попадаетъ въ „Исполнительный Комитетъ“, и они вдвоемъ, то есть Судейкинъ и Дегаевъ, составятъ нѣкоторое тайное, но дѣйствительно реальное правительство: министры, революціонеры—все будетъ въ ихъ рукахъ, и они вдвоемъ займутся осуществленіемъ какихъ-то туманныхъ идеаловъ.

Насколько справедлива вышеизложенная легенда, провѣрить нѣтъ возможности, но, если вѣрить Малецовой, Дегаевъ, въ началѣ октября или началѣ ноября 1883 г., говорилъ ей: „Судейкинъ обманулъ меня кругомъ. Царю онъ не представилъ меня, показалъ только Плеве и Побѣдоносцеву. Кажется, онъ хочетъ меня сдѣлать обыкновеннымъ шпіономъ; за это я ему отомщу“.

Прибылева-Курба объясняетъ нѣсколько иначе послѣднее рѣшеніе, явившееся несомнѣнно у Дегаева. Революціонная молодежь, пораженная успѣхами сыска, стала искать причинъ столь удачной дѣятель-

ности правительственныхъ агентовъ и пришла къ заключенію, что этотъ успѣхъ надо объяснять предательствомъ. Нѣкоторыя лица стали уже указывать на Дегаева, какъ на измѣнника, и даже было уже будто бы назначено собраніе для обсужденія этого вопроса. Чувствуя себя въ опасности, Дегаевъ попросилъ у Судейкина заграничную командировку, отправился въ Парижъ, явился къ проживавшимъ тамъ народовольцамъ, принесъ передъ ними покаяніе въ своихъ дѣлахъ и замыслахъ и предложилъ, въ качествѣ искупленія за свою вину, убить Судейкина.

Послѣднее предложеніе было принято, и Дегаевъ возвратился въ Петербургъ, оставивъ въ Парижѣ свою жену. Тамошними революціонерами обдумывался тогда рядъ террористическихъ актовъ: убійство Судейкина, министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого, директора департамента полиціи Плеве, товарища прокурора Добржинскаго и т. д. Дегаевъ хотѣлъ принять участіе во всѣхъ трехъ замыслахъ, но ему было предложено заняться исключительно убійствомъ Судейкина. Въ помощники ему были назначены два молодыхъ революціонера: бывшій семинаристъ изъ Каменецъ-Подольска, Николай Стародворскій, и бывшій народный учитель, уроженецъ Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Василій Конашевичъ. Они пріобрѣли себѣ въ лавочкѣ со старымъ желѣзомъ, два желѣзныхъ лома, которыми должны были добить Судейкина, послѣ того какъ Дегаевъ выстрѣлитъ въ него изъ револьвера.

Дегаевъ поселился въ домѣ № 91, по Невскому проспекту, во дворѣ, подъ фамиліей Сергѣя Яблонскаго, гдѣ навѣщалъ его изрѣдка Судейкинъ. Первый разъ покушеніе должно было состояться 3 декабря, но въ послѣднюю минуту Дегаевымъ овладѣла нерѣшительность. Онъ не открылъ Судейкину дверей, притворившись отсутствующимъ, и отослалъ своихъ помощниковъ. Во второй разъ покушеніе

готовилось 10 декабря, но въ этотъ день что-то помѣшало пріѣхать самому Судейкину. Наконецъ, на 16 декабря было назначено третье свиданіе.

Дегаевъ съ утра выпроводилъ свою прислугу за городъ по какому-то порученію; явились Стародворскій съ Конашевичемъ, но Судейкинъ долго не приходилъ. Революціонеры думали, что онъ опять не прійдетъ, но, около 5 ч. вечера, раздался звонокъ, и Судейкинъ явился. Онъ пришелъ въ сопровожденіи своего родственника, исполнявшаго при немъ обязанности секретаря, Николая Судовскаго, также служившаго въ тайной полиціи. Ничего не подозрѣвая, Судейкинъ оставилъ въ передней свою трость съ кинжаломъ и свое пальто, въ карманѣ котораго находился револьверъ. Дегаевъ пропустилъ своего гостя впередъ, въ залу, и сзади, выстрѣлилъ въ него въ область печени, послѣ чего сейчасъ же бросилъ пистолетъ и убѣжалъ, но въ этотъ моментъ изъ задней комнаты выскочили Стародворскій и Конашевичъ со своими ломами. Судейкинъ успѣлъ крикнуть Судовскому: „Стрѣляй“! и бросился въ переднюю, а оттуда въ чуланъ, въ которомъ пытался запереться, но Стародворскій послѣдовалъ за нимъ, нанося ему ударъ за ударомъ, вытащилъ его изъ чулана и добилъ. Въ это время Конашевичъ расправлялся съ Судовскимъ, которому проломилъ черепъ. Секретарь Судейкина умеръ на слѣдующій день.

Дегаевъ бѣжалъ съ мѣста приключенія въ заранѣе назначенное помѣщеніе на Пушкинской улицѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ его сообщниковъ, итальянскій подданный, Степанъ Росси, сынъ житомирскаго ювелира, бывшій ученикъ ковенскаго реальнаго училища и рижской политехнической школы. Росси ждалъ Дегаева, который перемѣнилъ у него костюмъ, и они оба отправились сейчасъ же на варшавскій вокзалъ, гдѣ присоединился къ нимъ Конашевичъ. Стародворскій послѣднимъ оставилъ квартиру Дегаева, заперъ ее на ключъ и бросилъ послѣдній на

улицѣ, а самъ отправился къ Маріи Крапцфельдъ, съ которою всю ночь занимался составленіемъ и печатаніемъ прокламаціи, извѣщавшей о смерти Судейкина.

Тѣмъ временемъ Дегаевъ мчался по направленію къ границѣ. Какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи Маклецовой, въ ушахъ у него стоялъ все время страшный крикъ Судейкина. Ужасный моментъ ему пришлось перенести въ Гатчинѣ, гдѣ почему-то поѣздъ стоялъ дольше обыкновеннаго. Дегаевъ ожидалъ каждую минуту, что его арестуютъ, но все обошлось благополучно. Онъ прожилъ два дня на границѣ въ ожиданіи, покаему привезутъ паспортъ, получивъ который, отправился прямовъ Парижъ на судъ товарищей. Жена Дегаева въ отсутствіе мужа находилась на попеченіи у революціонеровъ и каждый день ходила обѣдать къ Тихомірову.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Дегаевъ явился прямо къ Тихомірову, сообщилъ ему о смерти Судейкина и объявилъ, что самъ приведетъ надъ собою въ исполненіе смертный приговоръ, если народовольцы сочтутъ это полезнымъ для партіи. Тихомировъ обѣщалъ переговорить съ другими членами „Народной Воли“ и сообщить ему рѣшеніе суда.

Черезъ три дня народовольцы вынесли приговоръ, которымъ имя Дегаева передавалось безчестью, самъ онъ изгонялся изъ партіи, и ему запрещалось когда-либо, подъ страхомъ смертной казни, принимать участіе въ политической жизни партіи.

Правительство приняло самыя энергичныя мѣры къ разысканію Дегаева. Его карточки въ шести видахъ были разосланы во всѣ полицейскія управленія. Была назначена награда въ 5000 руб. за сообщеніе полиціи „свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію“, и 10,000 руб. тому, кто, „указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.“

Оффиціальный отчетъ ген. Шебеко отмѣчаетъ, что Дегаевъ исчезъ безслѣдно, и всѣ предпринятыя попытки открыть его оказались тщетными. „Неизвѣстно, былъ-ли онъ, несмотря ни на что, жертвой мщенія анархистовъ, или же онъ самъ покончилъ съ собою, или же, наконецъ, ему удается счастливо скрываться до настоящаго времени.“ Повидимому, послѣднее предположеніе соотвѣтствуетъ истинѣ. Изъ статьи Маклецовой можно заключить, что она видѣлась со своимъ братомъ за границей послѣ убійства Судейкина. По другимъ свѣдѣніямъ, Дегаевъ жилъ сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ нѣсколько лѣтъ находился подъ надзоромъ одного революціонера.

Тѣло Судейкина было похоронено съ большими почестями. Конашевичъ былъ задержанъ въ Кіевѣ 2 января 1884 г., подъ фамиліей Бориса Ростицкаго, Стародворскій—16 марта 1884 г. въ Москвѣ, подъ фамиліей Дмитрія Пухальскаго. Оба фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ по процессу „21-го“, причемъ Стародворскій былъ присужденъ къ смертной казни, которая и была приведена въ исполненіе въ Шлиссельбургѣ. Конашевичъ былъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ вскорѣ сошелъ съ ума.

V.

Процессъ „14-ти“.—Къ дѣятельности Вѣры Фигнеръ.—Чемоданова.—Тайная типографія въ Харьковѣ.—Ашенбреннеръ, Рогачевъ, Пелитоновъ.—Изъ рѣчи Спасовича.—Судъ.—Приговоръ.—Казнь Рогачева и Штромберга.

Такъ называемый процессъ „14-ти“, разбирался въ Петербургѣ военнымъ судомъ съ 24-го по 28-е сентября 1884 г. Центральною фигурою процесса была Вѣра Фигнеръ-Филиппова, бывшая послѣ второго разгрома народовольцевъ въ 1881 г. главною представительницею „Исполнительнаго Комитета“ и „Народной Воли“ во всей Россіи.

Если не считать убійства Стрѣльникова, въ которомъ Фигнеръ принимала участіе, то въ этотъ періодъ своей дѣятельности, живя то въ Харьковѣ, то въ Одессѣ, „мать-командирша“, какъ въ шутку называли Фигнеръ революціонеры, не увлекалась террористическими предпріятіями, но обратила главное вниманіе на организацію революціонныхъ кружковъ пропагандою и, вообще, подготовительною дѣятельностью.

Прокуратура поставила Фигнеръ въ вину по преимуществу ея дѣятельность въ періодъ съ 1879 по 1881 г. и выдвинула противъ нея слѣдующія обвиненія:

„Дознаніями, произведенными по поводу покушеній на жизнь Государя Александра II и злодѣйскаго преступленія 1-го марта, а равно по другимъ тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, совер-

шенным террористической фракціей, было установлено, что во всѣхъ этихъ злодѣяніяхъ принимала участіе Фигнеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдующими дознаніями было установлено, что она въ оставшейся группѣ террористовъ заняла первенствующее положеніе. Принятыми мѣрами 10-го февраля 1883 г. она была задержана въ Харьковѣ, гдѣ проживала по подложному виду на имя ученицы харьковскаго земскаго повивальнаго училища, Маріи Дмитріевны Боровченко, въ домѣ Хорвата, по Дмитріевскому переулку. Привлеченная къ отвѣтственности, Фигнеръ объяснила, что, выйдя въ 1870 г. замужъ за судебнаго слѣдователя казанскаго окружнаго суда, въ 1872 г. отправилась въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Живя въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Бернѣ, ознакомившись съ соціалистическимъ ученіемъ, она рѣшила въ 1875 году возвратиться въ Россію и заняться пропагандою соціалистическихъ идей. Достигнувъ въ 1876 г. развода съ мужемъ, она всецѣло предалась дѣлу соціализма, и съ этого времени ея судьба тѣсно связывается съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи во всѣхъ фазисахъ его проявленія. Поселившись первоначально въ Петербургѣ, Фигнеръ сблизилась съ революціонными кружками и въ 1876 г. приняла участіе въ демонстраціи, устроенной соціально-революціонной партіей возлѣ Казанскаго собора. Къ этому времени относится ея знакомство съ Барановымъ, Зунделевичемъ, Лизогубомъ, Оболешевымъ и Осинскимъ. Въ 1877 г. она отправилась изъ Петербурга въ Самарскую губернію, гдѣ поселилась въ с. Студенцахъ, занявъ должность фельдшерицы.

„Живя въ Самарской губерніи, Фигнеръ познакомилась съ Соловьевымъ и Квятковскимъ, прибывшими туда ранѣе для цѣлей пропаганды. Изъ Самарской губ. Фигнеръ скрылась, послѣ ареста Чепуриной, въ бумагахъ которой были найдены компрометирующія ее письма. Проживъ нѣкоторое вре-

мя въ Воронежѣ, Ф. къ началу 1878 г. возвратилась обратно въ Петербургъ, но, въ мартѣ того же года, отправилась въ Саратовскую губ., гдѣ находилось много другихъ революціонныхъ дѣятелей. Фигнеръ, со своею сестрою Евгеніею, поселилась въ дер. Вязьмино, Петровскаго уѣзда, гдѣ заняла должность фельдшерицы и занималась обученіемъ крестьянскихъ дѣтей. Въ дер. Вязьмино она видѣлась съ Соловьевымъ, который пріѣзжалъ туда въ концѣ 1878 года и передавалъ ей о своемъ намѣреніи совершить цареубійство.

„Послѣ покушенія Соловьева она уѣхала въ Тамбовъ и лѣтомъ 1879 г. участвовала въ Воронежскомъ съѣздѣ.

„Осенью 1879 г. Фигнеръ прибыла въ Петербургъ, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ Квятковскимъ, живя сначала въ Лѣсномъ, подъ именемъ Елпатьевской, затѣмъ въ Лештуковомъ переулкѣ, подъ именемъ Лихаревой. Живя въ Петербургѣ, Фигнеръ принимала участіе въ обсужденіи плановъ задуманнаго цареубійства, выразившихся въ покушеніяхъ 18-го ноября 1879 г. въ г. Александровскѣ и 19-го того же ноября въ Москвѣ, а равно въ обсужденіи плановъ цареубійства, приготовленія къ которому были сдѣланы въ томъ же году въ Одессѣ.

„Рѣшившись принять активное участіе въ послѣднемъ покушеніи, она отправилась въ Одессу, куда привезла съ собою динамитъ, нужный для взрыва. Проживая тамъ на одной квартирѣ съ Кибальчичемъ, подъ видомъ его жены, она хранила въ своей квартирѣ всѣ необходимыя принадлежности для взрыва Императорскаго поѣзда на Одесской желѣзной дорогѣ и, съ этою цѣлью, доставила Фроленко мѣсто будочника на томъ участкѣ дороги, гдѣ предполагалось произвести взрывъ.

„Въ мартѣ 1880 г., проживая въ Одессѣ, Фигнеръ видѣлась съ Саблинымъ и Перовской и обсуждала съ ними планъ новаго покушенія на цареубійство,

которое предполагалось совершить во время слѣдованія Императора черезъ Одессу на южный берегъ Крыма, причемъ для осуществленія этого преступленія дала 900 руб. Вслѣдствіе полученнаго со стороны „Комитета“ приказанія прекратить сдѣланныя приготовленія, Фигнеръ въ іюлѣ 1880 г. возвратилась въ Петербургъ. Здѣсь она принимаетъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и организаціи рабочихъ кружковъ. Поселившись съ Исаевымъ, подъ именемъ супруговъ Кохановскихъ, въ д. № 85/76 по Вознесенскому проспекту, она приняла участіе въ обсужденіи вновь задуманнаго плана цареубійства, и, по ея иниціативѣ, хозяиномъ сырной лавки въ д. Мендена, по Малой Садовой, былъ избранъ Юрій Богдановичъ, для котораго она изготовила подложный видъ на имя Кобозева. Она принимала дѣятельное участіе въ изготовленіи снарядовъ, примѣненныхъ 1-го марта.

„Послѣ событія 1-го марта Фигнеръ оставалась въ Петербургѣ до мая 1881 г., затѣмъ до октября проживала на югѣ, откуда отправилась въ Москву, гдѣ возбудила въ средѣ своихъ единомышленниковъ вопросъ о необходимости убійства Сирѣльникова. По принятіи ея предложенія, Фигнеръ отправилась въ Одессу, гдѣ, проживая подъ именемъ Елены Колосовой, занялась изученіемъ жизни генерала и, когда для совершенія убійства прибылъ въ Одессу Халтуринъ, она передала ему собранныя ею свѣдѣнія и снабдила его деньгами на расходы по приведенію въ исполненіе задуманнаго убійства“.

Рядомъ съ Фигнеръ заняла мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ Любовь Чемоданова. Къ ней также было предъявлено обвиненіе въ участіи въ заговорѣ 1-го марта. Она была арестована 3-го марта 1881 г. въ квартирѣ Желябова и Перовской, содержалась 10 мѣсяцевъ въ заключеніи и, за отсутствіемъ какихъ-либо серьезныхъ уликъ, была отправлена 9-го декабря 1881 г. въ Западную Сибирь, въ Курганъ,

административнымъ порядкомъ. 20-го декабря 1882 года, пробывъ годъ въ ссылкѣ, Чемоданова бѣжала изъ Сибири вмѣстѣ съ Ивановымъ и Терезатовымъ и отправилась въ Харьковъ, къ Фигнеръ. Чемоданова была арестована въ Харьковѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

По дошедшимъ до жандармскаго начальства слухамъ о подозрительномъ образѣ жизни обитателей дома № 13 по Грековской улицѣ, въ ихъ квартирѣ былъ произведенъ обыскъ. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ: гостиной, комнаты, въ которой жили хозяева, Александра и Алексѣй Воскресенскіе, комнаты жильца, семинариста, готовившагося къ испытанію на аттестатъ зрѣлости, Давидовича, и кухни, въ которой жила, подъ видомъ кухарки, свѣрженской мѣщанки Гулько, Чемоданова. Въ гостиной и кухнѣ не было найдено ничего предосудительнаго, но въ спальнѣ Воскресенскихъ и комнатѣ Давидовича были найдены въ порядочномъ количествѣ конспиративные матеріалы, предназначавшіеся для распространенія и пропаганды: рукописи и замѣтки всевозможнаго содержанія, гектографическія копіи рѣчей террористовъ въ прежнихъ процессахъ коллекція фальшивыхъ паспортовъ и печатей и большое количество разнокалиберныхъ типографскихъ шрифтовъ.

Какъ оказалось, въ квартирѣ Воскресенскихъ помѣщалась тайная типографія, устроенная Фигнеръ по плану и по рисункамъ Иванова, бѣжавшаго изъ кіевской тюрьмы, и Чупкова. Типографскія принадлежности были выписаны изъ Варшавы, но еще не были примѣнены къ дѣлу. Воскресенская оказалась сестрою Валеріана Осинскаго, Анастасіей. Осинская повѣсилась въ домѣ предварительнаго заключенія, но Василій Ивановъ, Чупковъ и Чемоданова фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ по процессу „14-ти".

Изъ членовъ военныхъ кружковъ оказались при-

влеченными въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу Фигнеръ и ея сообщниковъ: Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Тихановичъ и Ювачевъ, члены военной организаціи „Народной Воли".

Ашенбреннеръ состоялъ батальоннымъ командиромъ Пражскаго полка, квартировавшаго въ Николаевѣ. Это былъ старый строевой офицеръ, награжденный многими знаками отличія за продолжительную службу въ Средней Азіи. Онъ былъ образованный, начитанный человѣкъ, пользовавшійся въ средѣ своихъ товарищей большимъ авторитетомъ и вліяніемъ. Онъ организовалъ въ Николаевѣ довольно многочисленный военный кружокъ, которымъ, впрочемъ, Фигнеръ была весьма недовольна и дѣлала ему выговоры за его малодѣятельность. Во время появленія въ Одессѣ Дегаева, Ашенбреннеръ находился въ этомъ городѣ и присутствовалъ на собраніи офицеровъ, на которомъ Дегаевъ предложилъ имъ прямо покинуть службу, перейти на нелегальное положеніе и принять участіе въ террористическихъ актахъ. Ашенбреннеръ объявилъ, что онъ всецѣло присоединяется къ этому плану и, взявъ девятимѣсячный отпускъ, отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ мичманомъ Иваномъ Ювачевымъ, который тоже участвовалъ въ вышеупомянутомъ собраніи, и изъявилъ готовность примкнуть къ террористическому кружку, но объявилъ, что онъ не обладаетъ достаточными техническими познаніями для руководящей роли и согласенъ состоять помощникомъ при какомъ-нибудь другомъ, болѣе опытномъ техникѣ. Ювачевъ поселился у своего брата, чиновника министерства двора, жившаго въ одномъ изъ помѣщеній Аничковскаго дворца. Онъ часто встрѣчался съ Ашенбреннеромъ, и они оба поддерживали сношеніе съ военными кружками Одессы и Николаева, предполагали издавать газету и брошюры, но дальше

проектовъ дѣло у нихъ не подвинулось, такъ какъ вскорѣ они оба были арестованы.

Третій изъ участниковъ военной организаціи, Похитоновъ, былъ привлеченъ къ участью въ этомъ кружкѣ Дегаевымъ еще въ 1880 г., когда оба учились въ петербургской артиллерійской академіи. Дегаевъ познакомилъ его тогда съ Фигнеръ, Фроленко, Перовской, Златопольскимъ и друг., и Похитоновъ сталъ энергично заниматься пропагандою среди своихъ товарищей. Въ 1881 г. полиціи произвела у него обыскъ, послѣ чего Похитоновъ оставилъ на нѣкоторое время активную дѣятельность. Въ 1882 г., по окончаніи академіи, Похитоновъ поселился въ Кобеляхъ, гдѣ навѣстилъ его Дегаевъ и повезъ съ собою въ Харьковъ, къ Фигнеръ, которая убѣждала молодого офицера оставить службу и заняться пропагандою среди военнаго міра. Въ бумагахъ Телалова было найдено описаніе способа приготовленія нѣкоторыхъ взрывчатыхъ снарядовъ, составленное, по заключенію экспертовъ, почеркомъ, весьма похожимъ на почеркъ Похитонова.

Четвертый изъ членовъ военной организаціи, Рогачевъ, братъ пропагандиста Дмитрія Рогачева, еще въ 1876 г. при посредствѣ брата познакомился съ Желябовымъ, Фигнеръ и жилъ на одной квартирѣ со своимъ товарищемъ по орловской гимназіи, Баранниковымъ, который познакомилъ его съ Колодкевичемъ и Златопольскимъ. Произведенный въ офицеры, Рогачевъ въ 1881 г. былъ по дѣламъ службы въ Гельсингфорсѣ, гдѣ организовалъ кружокъ среди военныхъ, а затѣмъ былъ посланъ Буцевичемъ для организаціи военныхъ кружковъ въ Москвѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ, Динабургѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ, Вильнѣ и Минскѣ, но результаты этой поѣздки были неудовлетворительны. Осенью 1882 г. Рогачевъ получилъ письмо отъ Похитонова, приглашавшаго его пріѣхать въ Полтаву на свиданіе съ Фигнеръ. Онъ немедленно

поспѣшилъ туда и пообѣщалъ „матери-командиршѣ“ оставить военную службу и вступить въ партію въ качествѣ активнаго члена. Р. не могъ осуществить своего намѣренія, такъ какъ 4-го апрѣля 1883 г. былъ уже арестованъ.

Тихановичъ обвинялся въ участіи въ кіевскомъ военномъ кружкѣ и въ устройствѣ побѣга изъ кіевской тюрьмы Иванова; Штромбергъ—въ томъ, что помогъ Грачевскому очистить его квартиру отъ динамита и типографскихъ принадлежностей. Ко всѣмъ имъ было предъявлено обвиненіе въ принадлежности къ террористической фракціи русской соціально-революціонной партіи, поставившей себѣ задачею ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, ради чего фракція, именовавшая себя партіей „Народной Воли“, совершила рядъ преступныхъ посягательствъ на Священную Особу въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, а равно совершила рядъ убійствъ и посягательствъ на высшихъ государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ, и другихъ преступленій, повлекшихъ за собою нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

По заявленію Спасовича, защищавшаго Чемодакову, противъ почти всѣхъ участниковъ процесса „14-ти“ не существовало серьезныхъ уликъ:

„Дѣлъ заговорщическихъ никакихъ. Есть только слова, такъ сказать, исповѣданіе террористической вѣры и слова сочувствія злодѣяніямъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи XIX вѣка... Cogitationis poenam nemo patitur (намѣреніе не наказуемо) говоритъ римское право, и это начало вошло во всѣ европейскіе кодексы и даже въ нашъ, но съ единственнымъ исключеніемъ, относящимся къ государственнымъ преступленіямъ. Однако, даже въ этихъ преступленіяхъ наказуемость умысла обусловливается приступомъ къ приготовленію чрезъ словес-

ное или письменное проявленіе своихъ о томъ мыслей, конечно, заявленіе передъ людьми, способными воспріять это сѣмя".

И Спасовичъ старался разъяснить суду, что нельзя наказывать людей за то только, что они сочувствовали программѣ „Народной Воли", собирались сдѣлать что-то для ея осуществленія, но фактически, въ большинствѣ случаевъ, дальше неблагонамѣренныхъ рѣчей и намѣреній не пошли.

Самъ процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, въ помѣщеніи петербургскаго окружнаго суда. Особенность процесса состояла въ томъ, что, несмотря на то, что главнымъ основаніемъ для обвиненія служили показанія Дегаева, имя послѣдняго не упоминалось ни разу ни въ обвинительномъ актѣ, ни, вообще, во время разбора дѣла. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ говорилось глухо: „получены были указанія", безъ упоминанія о томъ, что „указанія" были получены отъ Дегаева.

Подсудимые сдѣлали все для того, чтобы ухудшить свое положеніе, и подтверждали охотно всѣ предъявленныя къ нимъ обвиненія. Такъ, Людмила Волкенштейнъ, несмотря на то, что только въ августѣ 1883 г. возвратилась изъ заграницы, гдѣ проживала съ 1879 г., и была арестована уже въ октябрѣ, ничѣмъ не успѣвъ себя проявить, заявила, что принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ дѣянія партіи „Народной Воли".

На слѣдствіи Вѣра Фигнеръ изложила довольно подробно свою біографію. Она призналась, что въ 1876 г. принимала участье въ демонстраціи на Казанской площади, а въ 1879 г. знала о намѣреніи Александра Соловьева. Она разсказала, что въ 1879 г. приняла участье въ Воронежскомъ съѣздѣ и въ томъ же году отправилась въ Одессу, гдѣ доставила Фроленко мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа и хранила у себя на квартирѣ все необходимое для мины на желѣзной дорогѣ.

Фигнеръ объяснила, что, послѣ того какъ былъ уже доставленъ динамитъ для закладки подъ рельсы на 11 верстѣ отъ Одессы, туда пріѣхалъ неожиданно Гольденбергъ съ требованіемъ отдать часть динамита въ Москву, такъ какъ были основанія полагать, что Императоръ послѣдуетъ черезъ Харьковъ, въ Москву. Революціонеры же опасались, что запасъ динамита, приготовленный ими, окажется недостаточнымъ.

Фигнеръ, по ея показаніямъ, оставалась въ Одессѣ до іюля 1880 г. и быстро завела обширный кругъ знакомствъ, въ которомъ фигурировали представители всѣхъ классовъ общества, начиная отъ профессора и генерала, помѣщика и студента, врача и чиновника, до рабочаго и швеи. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1880 г. въ Одессу пріѣхали Саблинъ и Перовская для приготовленія мины на случай проѣзда Императора въ Крымъ.

Въ моментъ пріѣзда этихъ членовъ „Исполнительнаго Комитета“ Фигнеръ, по ея словамъ, была занята подготовленіемъ покушенія на жизнь правителя канцеляріи генералъ-губернатора, Панютина, который всецѣло отдалъ въ его распоряженіе завѣдываніе внутренней политикой края. Революціонеры приписывали Панютину всѣ смертные приговоры, которыхъ такая масса была приведена въ исполненіе въ Одессѣ. Человѣкъ, согласившійся убить Панютина, былъ найденъ Фигнеръ. Было рѣшено, что онъ поразитъ генерала кинжаломъ, во время одной изъ его прогулокъ. Пріѣздъ Саблина и Перовской заставилъ Фигнеръ отказаться отъ своего плана и заняться покушеніемъ на жизнь Императора.

У Саблина и Перовской былъ готовый планъ. Они должны были выбрать улицу, которая имѣла наибольше шансовъ на проѣздъ Государя отъ вокзала къ пароходной пристани. Они должны были въ качествѣ мужа и жены снять лавочку на этой улицѣ и

завести торговлю. Изъ лавочки предполагалось провести мину подъ мостовую улицы. Техническою стороною дѣла долженъ былъ руководить Григорій Исаевъ. Деньги для осуществленія предпріятія, въ количествѣ около 900 руб., были доставлены Фигнеръ. Было нанято помѣщеніе на Итальянской ул., пріобрѣтенъ буравъ и т. д.

По словамъ Фигнеръ, несмотря на трудность работы, ее удалось довести до конца и, въ концѣ концовъ, революціонеры очутились подъ камнями мостовой, буравъ пошелъ кверху и вышелъ на свѣтъ Божій. Вскорѣ, при неосторожномъ обращеніи съ гремучей ртутью, Исаеву оторвало два пальца. Его пришлось отправить въ больницу, послѣ чего динамитъ, гремучая ртуть, проволока и другія вещи, хранившіяся у Исаева, были перевезены въ квартиру Фигнеръ. Туда же въ корзинахъ, узлахъ и пакетахъ приносилась земля изъ траншей.

Когда стало извѣстно, что Императоръ не поѣдетъ въ Ливадію, Фигнеръ, по ея словамъ, хотѣла воспользоваться подкопомъ и взорвать Тотлебена, но „исполнительный комитетъ“ отвергъ это предложеніе. Тогда Фигнеръ рѣшила убить генералъ-губернатора другимъ способомъ и, говоритъ она, „если бы у насъ уже существовало позднѣйшее изобрѣтеніе Исаева и Кибальчича (бомбы), то, конечно, графа не было-бы въ живыхъ, но мы имѣли лишь динамитъ и несовершенствованные запалы. Поэтому снарядъ былъ неудобенъ по объему и могъ быть ненадеженъ по дѣйствію“.

Впрочемъ, покушеніе на гр. Тотлебена было бы приведено въ исполненіе, если бы къ этому времени онъ не получилъ другого назначенія и не оставилъ Одессы.

Въ заключеніе Фигнеръ разсказала про свое участіе въ событіяхъ 1 марта и про покушеніе на Стрѣльникова, но не сообщила никакихъ подробностей про дѣятельность въ Харьковѣ.

Защищалъ Фигнеръ Леонтьевъ 2-й, указавшій, что его кліентка сдѣлала все возможное для самообвиненія, а потому ему, какъ защитнику, и говорить нечего. Онъ закончилъ свою рѣчь словами, что Фигнеръ принадлежитъ къ натурамъ, которыя такъ любятъ правду, что во имя осуществленія ея идеаловъ не могутъ остановиться передъ необходимостью пролитья крови. Фигнеръ не ждетъ ни милости, ни снисхожденія.

Въ защиту Чемодановой сказалъ рѣчь Спасовичъ. Рѣчь другихъ защитниковъ не представляли ничего особеннаго. Фигнеръ, въ качествѣ послѣдняго слова, сказала слѣдующую рѣчь:

„Въ настоящій моментъ разслѣдованію суда подлежатъ мои дѣйствія, начиная съ 1879 г. Прокуроръ въ своей рѣчи выразилъ удивленіе, какъ по отношенію къ ихъ качеству, такъ и по отношенію къ количеству. Но эти преступленія, какъ и всякія другія, имѣютъ свою исторію. Они находятся въ неразрывной логической связи со всей предъидущей моей жизнью. Сидя въ предварительномъ заключеніи, я часто думала, могла-ли моя жизнь идти иначе, чѣмъ она шла, и могла-ли она кончиться чѣмъ-либо инымъ, кромѣ скамьи подсудимыхъ, и каждый разъ я отвѣчала себѣ: „нѣтъ„.

„Я начала жизнь при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. По образованію я не нуждалась въ руководителяхъ; меня не нужно было водить на помочахъ. Матеріальной нужды и заботы о кускѣ хлѣба или объ экономической самостоятельности я не знала. Когда я вышла, 17 лѣтъ, изъ института, во мнѣ въ первый разъ зародилась мысль о томъ, что не всѣ находятся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ я. Смутная идея о томъ, что я принадлежу къ культурному меньшинству, возбуждала во мнѣ мысль объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ мое положеніе по отношенію къ остальной, некультурной массѣ, которая живетъ изо дня въ

день, погруженная въ физическій трудъ и лишенная того, что обыкновенно называется благами цивилизаціи.

„Въ силу этого представленія о контрастѣ между моимъ положеніемъ, и положеніемъ окружающихъ, у меня явилась первая мысль о необходимости создать себѣ какую нибудь цѣль въ жизни, которая клонилась-бы ко благу этихъ окружающихъ. Русская журналистика того времени и то женское движеніе, которое было въ полномъ разгарѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дали мнѣ готовый отвѣтъ на тѣ запросы, которые у меня возникли, указавъ на дѣятельность врача, какъ такую, которая можетъ удовлетворить моимъ филантропическимъ стремленіямъ. Тогда уже была открыта женская академія въ Петербургѣ, но она уже съ самаго начала отличалась той хилостью, которою отличается и до сихъ поръ, постоянно борясь между жизнью и смертью, а такъ какъ у меня рѣшеніе было твердое и я не хотѣла сойти съ разъ принятаго пути, то я рѣшилась отправиться за границу.

„И вотъ, значительно перекроивши свою жизнь, я поѣхала въ Цюрихъ и поступила въ университетъ. Заграничная жизнь представляетъ большое различіе съ русской. Тѣ явленія, которыя я тамъ встрѣтила, были для меня вполнѣ новы. Я не была подготовлена къ нимъ тѣмъ, что раньше видѣла и что раньше знала, не была подготовлена къ правильной оцѣнкѣ всего того, что я увидѣла. Идея соціализма воспринята мною первоначально почти инстинктивно. Мнѣ казалось, что она есть ни что иное, какъ расширеніе той самой филантропической идеи, которая у меня возникла раньше. Ученіе, которое обѣщаетъ равенство, братство и общечеловѣческое счастье, должно было подѣйствовать на меня ослѣпляющимъ образомъ. Вмѣсто какихъ-нибудь тетюшанъ, у меня явилось представленіе о народѣ, о человѣчествѣ. Кромѣ того, я явилась за границу въ

такой періодъ, когда только-что совершившіяся событія въ Парижѣ и происходившая тогда революція въ Испаніи получили сильный отголосокъ во всемъ рабочемъ мірѣ Запада. Между прочимъ, я познакомилась съ ученіемъ интернаціонала. Я могла только впослѣдствіи опѣнить, что много изъ того, что я видѣла тогда, было ничѣмъ инымъ, какъ разовымъ концомъ. Кромѣ того, я не смотрѣла на рабочее движеніе, съ которымъ я познакомилась, какъ на продуктъ западно-европейской жизни, я считала, что то же самое ученіе пригодно для всякаго времени и всякаго мѣста.

„За границей же, увлекшись соціалистическими идеями, я вступила въ первый революціонный кружокъ, въ которомъ участвовала моя сестра Лидія. Организація его была весьма слабая: каждый членъ могъ приступить когда угодно и какъ угодно къ своей дѣятельности. Дѣятельность же состояла въ пропагандѣ идей соціализма, въ радужной надеждѣ, что народъ, въ силу своей бѣдности и неблагопріятнаго соціальнаго положенія, непремѣнно соціалистъ, что достаточно одного слова, чтобы онъ воспріялъ соціалистическія идеи. То, что мы называли также соціальной революціей, имѣло скорѣе характеръ мирнаго переворота, то есть мы думали, что меньшинство, видя невозможность борьбы принуждено будетъ уступить большинству, сознавшему свои интересы, такъ что о пролитіи крови не было и рѣчи.

„Я оставалась за границей четыре года. Я отличалась всегда нѣкоторымъ консерватизмомъ въ томъ смыслѣ, что принимала свои рѣшенія не быстро, но разъ принявши, отступала уже съ трудомъ. Весною кружокъ почти весь отправился въ Россію, я же, какъ сказала, оставалась за границей четыре года. Моя сестра и другіе члены этого сообщества кончили свою карьеру весьма бѣдственно. Два-три мѣсяца работы на фабрикахъ кончились для нихъ двухъ и

1755

трехлѣтнимъ заключеніемъ, и затѣмъ судомъ, который приговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на каторгу, а другихъ на поселеніе и на житье. Когда они находились въ тюрьмѣ, то сдѣлали мнѣ призывъ. Мнѣ предложили явиться въ Россію съ цѣлью поддержать дѣло кружка. Такъ какъ я получила достаточно медицинскихъ свѣдѣній и такъ какъ думала, что полученіе степени врача и хирурга будетъ удовлетворять только тщеславію, то я отправилась въ Россію. Тутъ мнѣ на первыхъ порахъ пришлось испытать кризисъ. Движеніе потерпѣло уже пораженіе. Тѣмъ не менѣе я все-таки нашла достаточное количество людей, которые казались мнѣ симпатичными, которымъ я довѣряла, съ которыми я сошлась и вмѣстѣ съ которыми я участвовала въ выработкѣ той программы, которая извѣстна подъ названіемъ „программы народниковъ“.

„Я отправилась въ деревню. Программа народниковъ, какъ суду извѣстно, имѣла цѣли, конечно, не разрѣшенныя закономъ, потому что выставляла своею задачею передачу всей земли въ руки крестьянской общины, но, прежде чѣмъ эта задача совершится,—та роль, которую должны были играть революціонеры, живя въ народѣ, должна была заключаться въ томъ, что во всѣхъ государствахъ называется не иначе, какъ культурной дѣятельностью. Такимъ образомъ, и я явилась въ деревню съ вполнѣ революціонными задачами, но по тому, какъ я вела себя по отношенію къ крестьянамъ, какъ я дѣйствовала, я думала, что я не подверглась бы никакому преслѣдованію нигдѣ, кромѣ Россіи, и даже считалась бы небезполезнымъ членомъ общества.

„И поступила въ земство, какъ фельдшерица. Въ очень скоромъ времени противъ меня составилась цѣлая лига, во главѣ которой стояли: предводитель дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ: урядникъ, писарь и т. д. Про меня распространили всевозможные слухи и то, что я безпаспортная, тогда какъ я

жила по собственному виду, и то, что дипломъ у меня фальшивый, и проч. Когда крестьяне не хотѣли идти на выгодную сдѣлку съ помѣщикомъ, говорили, что виновата Филиппова, когда волостной сходъ уменьшилъ жалованье писарю, утверждали, что виновата въ этомъ фельдшерица. Производили гласныя и негласныя дознанія, пріѣзжалъ исправникъ, нѣкоторые крестьяне были арестованы; при допросѣ ихъ фиг припомнило мое имя; было два доноса губернатору и, только благодаря тѣмъ хлопотамъ, которыя принялъ на себя предсѣдатель управы, я была оставлена въ покоѣ. Вокругъ меня образовалась полицейско-шпіонская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы прійти ко мнѣ въ домъ.

„Вотъ эти-то обстоятельства и привели меня къ вопросу, что я могу дѣлать при данныхъ условіяхъ? Я скажу откровенно: я поселилась въ деревнѣ въ такомъ возрастѣ, когда грубыхъ ошибокъ въ смыслѣ практичности я не могла дѣлать, въ томъ возрастѣ, когда люди становятся болѣе терпимыми, болѣе внимательными къ чужимъ взглядамъ. Я хотѣла изучить почву, узнать, что дѣлаетъ самъ крестьянинъ, чего онъ желаетъ. Я видѣла, что противъ меня нѣтъ никакихъ фактовъ, что меня преслѣдуютъ, собственно, за духъ, за направленіе мое, подозрѣвая, что не можетъ быть, чтобы человѣкъ, не лишенный образованія, поселился въ деревнѣ, безъ какихъ-нибудь, самыхъ ужасныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, я была лишена возможности просто физическаго сближенія съ народомъ и не могла не только дѣлать что-нибудь, но даже сноситься съ нимъ по поводу самыхъ обыденныхъ цѣлей. Тогда я вдумалась, не дѣлаю-ли какихъ-нибудь ошибокъ, которыхъ я могла бы, можетъ быть, избѣжать, переѣхавъ въ другую мѣстность и повторивъ опытъ. Мнѣ собственно, тяжело было разстаться съ тѣми планами, которые у меня были. Я четыре года училась медицинѣ

и уже свыклась съ тою мыслью, что я буду дѣйствовать среди крестьянъ. Размышляя на эту тему и собирая свѣдѣнія о другихъ лицахъ, я убѣдилась вполнѣ, что это дѣло не въ моей личности и не въ условіяхъ данной деревни, а въ общихъ условіяхъ, особенно въ томъ, что въ Россіи нѣтъ политической свободы.

„Собственно, до этого момента мои задачи были строго-экономическія, онѣ не затрагивали моихъ личныхъ интересовъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось испытать на себѣ неудобства нашего образа правленія. Я еще нѣсколько раньше получила предложеніе отъ общества „Земли и Воли“ поступить въ него и дѣйствовать среди интеллигенціи. Но, въ силу того, что я крѣпко держалась за разъ принятое рѣшеніе, я не принимала этого предложенія и держалась до послѣдней крайности, такъ что не легкомысленное отношеніе, а горькая необходимость заставила меня отказаться отъ первоначальнаго взгляда и вступить на другой путь.

„Въ то время начали появляться отдѣльныя мнѣнія, что элементъ политическій долженъ играть извѣстную роль въ задачахъ революціонной партіи. Въ обществѣ „Земли и Воли“ образовались двѣ категоріи лицъ, которыя тянули въ разныя стороны. Когда я покончила съ деревней, я заявила обществу „Земли и Воли“, что въ настоящее время я считаю себя свободною. Въ это время мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или сдѣлать шагъ назадъ, ѣхать за границу и сдѣлаться докторомъ, но уже не для крестьянъ, а для лицъ богатыхъ, чего я не хотѣла, или, что я и предпочла, употребить энергію и силу на то, чтобы сломить то препятствіе, о которое разбились мои желанія“.

Изложивъ подробно исторію начальнаго періода своей революціонной дѣятельности, Вѣра Фигнеръ не распространялась относительно послѣдующихъ

событій, въ которыхъ она принимала столь дѣятельное участіе.

Резолюціей суда: Фигнеръ, Ашенбреннеръ, Рогачевъ, Похитоновъ, Штромбергъ, Ювачевъ, Тихановичъ и Волкенштейнъ были приговорены къ смертной казни, Ивановъ и Немоловскій къ каторжнымъ работамъ безъ срока, Гунковъ на 20 лѣтъ, Суровцовъ и Спандони на 15 лѣтъ, Чемоданова на 4.

Штромбергъ и Рогачевъ были повѣшены 10-го октября 1884 г., остальнымъ подсудимымъ смертная казнь была замѣнена при конфирмаціи каторжными работами безъ срока.

Подписчикамъ второго изданія

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

въ текущемъ 1907 году по 1-е октября разосланы слѣдующіе выпуски

„Политической, исторической и популярно-научной

Библіотеки для Саморазвитія“.

I. Исторической библіотеки:

Конституціонныя попытки до XIX вѣка. Ψ Конституціонные проекты эпохи Александра I. Ψ Тайныя общества и проекты переустройства Россіи въ первой четверти XIX вѣка. Ψ Заговоръ декабристовъ. Ψ Процессъ декабристовъ и ихъ жизнь въ Сибири. Ψ Петрашевцы и ихъ время. Ψ Герценъ и Огаревъ. Ψ Бакунинъ. Ψ Михайловъ и Чернышевскій. Ψ Кружокъ Ишутина. Каракозовъ. Ψ Нечаевъ. Ψ Ткачевъ. Ψ Долгушинцы. Чайковскій. Чайковцы. Ψ Кропоткинъ. Ψ Пропагандисты 70-хъ годовъ. Ψ Дебогорій Мокріевичъ. Ψ Провинціальные кружки 1873-1874. гг. Московская организація 1875 г. Ψ Троглодиты. Земля и Воля. Ψ Демонстрація на Казанской площади. Процессъ „50-ти“ и „193-хъ“. Ψ Клеменсъ. Кравчинскій (Степнякъ). Рогачевъ.

II. Популярно-научной библіотеки:

„Слово Будды“, Бхиккуху Ньянатилока. Ψ »Кѣмъ я долженъ быть?—Б. Карнери. Ψ „Власть тѣла“,—Д-ра Бергмана. Ψ „Письма преступниковъ“ М. А. Рейхлера. Ψ „Гипнотизмъ“ Д-ра Беридта. Ψ «Въ мірѣ подсознательнаго» П. Конради. Ψ „Нервность и міропониманіе, Д-ра Марцинковскаго. «Наши дочери», письма къ матерямъ, Лангсдорефа. Ψ „Модернизированная нравственность“, проф. Зиммеля. Ψ „Гибель міра“ Д-ра В. Майера. Ψ „Свѣтъ и тѣни“.—Изреченія и афоризмы, В. Фишера «Психологическія основы воспитанія». Д-ра У. Эприя. Ψ «Болѣзни растеній». Д-ра В. Фр. Брука. Ψ „Алкоголизмъ, наслѣдственность и половая жизнь“. Проф. Д-ра Форель. Ψ „Уголовное право и нравственность“ Д-ра Х. Дорнъ. Ψ «Какъ мать одѣвается»? Д-ра П. Бернштейна. Ψ „Электричество въ до-

нашемъ быту". Проф. Д-ра Вебера. ✓ „Гигіена ребенка школьнаго возраста. Д-ра Р. Зильберштейна. ✓ „Книга утѣшенія". (Философія долговѣчности). По Ж. Фино. ✓ „Задачи и цѣли супружескаго союза". Габріели Рейтеръ. ✓ „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ". Д-ра мед. Христеллера. ✓ „Пессимизмъ Шопенгауера". Проф. Г. Зиммель. ✓ „Питаніе труженика Д-ръ Хаесъ. ✓ „Сотвореніе міра". Д-ра М. В. Мейера. ✓ „Оккультизмъ". Проф. І. Грассэ.

III. Политической библіотеки:

„Развитіе формъ хозяйств. жизни". Э. Бернштейна. ✓ „Экспропріація предпринимателя", С. Піотровскаго. ✓ „Французская печать въ первые годы Великой революціи", Г. Кунова. ✓ „Право, государство и общество", Г. Ф. Гертлинга. — „Либерализмъ и соціализмъ", Д-ра Л. М. Василевскаго. ✓ „Максимальный рабочій день", Б. Гармса. ✓ „Соціальныя утопіи", проф. А. Фогта. ✓ „Восьмичасовой рабочій день съ точки зрѣнія здоровья", Д-ра Задека. ✓ „Женское избирательное право". Д-ра Э. Ихенгейзеръ. ✓ Революціонный неврозъ. 1) „Заразительность революціоннаго страха" 2) „Революціонный вандализмъ", Д-ровъ Кабанесъ и Л. Насеъ. ✓ „Почему нѣтъ соціализма въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ", Проф. Вернера Зомбарта. ✓ „Обновленіе либерализма", Теодора Барта и Фридриха Наумана. ✓ „Пролетаріатъ", В. Зомбарта. ✓ „Свобода, какъ путь къ равенству и братству", А. Гольдшмидта ✓ „Соціальдемократія и антисемитизмъ", Августа Бебеля. ✓ „Ассоціаціонное движеніе во Франціи", Ж. Вейля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ 1 октября по 31 декабря

1907 ГОДА

съ безплатнымъ приложеніемъ 34 выпусковъ Политической, исторической и популярно-научной **„Библіотеки для Саморазвитія"** и журналовъ: „Новая Иллюстрація" и «Огонекъ»

1 р. 25 к. съ пересылкою.

Главная Контора „Биржевыхъ Вѣдомостей". С.-Петербургъ, Галерная улица, собствен. домъ, № 40.

2007051384